Деревня при НЭПе.

Редакция «Бедноты»

ДЕРЕВНЯ ПРИ НЭП'Е

КОГО СЧИТАТЬ КУЛАКОМ КОГО — ТРУЖЕНИКОМ

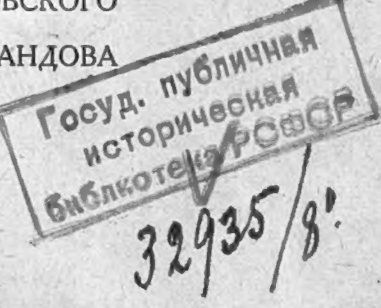
ЧТО ГОВОРЯТ ОБ ЭТОМ КРЕСТЬЯНЕ?

С ПОРТРЕТАМИ, БИОГРАФИЯМИ И ФАКСИМИЛЕ КРЕСТЬЯН

ПРЕДИСЛОВИЯ Л. С. СОСНОВСКОГО

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ М. ГРАНДОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◘ МОСКВА ◘ 1924

3-я типо-литография
„ТРАНСПЕЧАТИ“ НКПС
Петровка, Салтыковск. п., 9

Главлит № 21505.
Тираж 20000 экз.

Л. Сосновский.

Предисловие.

Бесспорной стала мысль, что с началом „новой экономической политики“ в деревне вновь проявляются и обостряются классовые противоречия и закипает острая классовая борьба. Коммунистическая партия не останется нейтральным зрителем классовой борьбы. Как и всегда, она придет на помощь эксплоатируемым в их борьбе против эксплоататоров. Но в деревне не так отчетливо и ясно, как в городе, располагаются классовые признаки. „Чистые“ пролетарии, как и „чистые“ буржуа, встречаются в деревенской действительности сравнительно редко, особенно последние. Еще можно найти несколько десятков тысяч пролетариев, совершенно бездомовных, лишенных своего единоличного хозяйства. Да и те имеют где то свои дырявые хозяйства.

Что же касается деревенского буржуа, он почти всегда более или менее искусно замаскирован в трудового землепользователя. Кровопийство, которым он промышляет в деревне, неизменно выставляется им чем то вроде побочного случайного и временного приработка к основному крестьянскому доходу.

Чтобы выработать основы практической классовой политики в деревне (в области налогового законодательства, кредитной и кооперативной политики, административной практики) необходимо, по возможности, со всех сторон приглядеться к классовому облику современной деревни. Этой цели служат обычно данные статистических переписей и обследований. Для нашей, нынешней быстро меняющейся экономии статистические материалы, к сожалению, довольно основательно запаздывают. И все-таки других более надежных материалов быть не может.

Однако, очень и очень существенным дополнением к сухим статистическим таблицам могут явиться свидетельские показания самой деревни. Что думает деревня о своем классовом облике? Какие классовые группировки и их признаки бросаются в глаза самому крестьянину и как

относятся разные элементы деревни к деревенской буржуазии. Ильич неоднократно учил нас бережно отделять середняка от кулака, остерегаться в политике, чтобы удары, направленные против кулака, не угодили по середняку. Идеалом классовой политики в деревне считал он вовлечение середняка совместно с бедняком в борьбу против эксплоататоров-кулаков. В виде обязательного правила требовал Ильич обеспечения хотя бы благожелательного нейтралитета середняка в отношении бедноты.

Достигнуть этого можно только самым внимательным изучением того, чем живет и чем дышит середняк в каждый данный момент. Одна статистика здесь поможет мало. Нужны более подвижные, чуткие органы восприятия деревенской действительности. Теоретически, разумеется, партия должна бы получить нужную ей ориентировку от местных деревенских ячеек партии и местных органов власти. Но при фактической, всем известной малокультурности и идеологической невыдержанности крестьян-коммунистов в настоящее время от них получить нужную информацию немыслимо.

Косвенным и очень ценным материалом являются показания самих крестьян. Их письма, корреспонденции и статьи в газетах, при внесении необходимых идеологических коррективов, дают замечательно интересный, живой материал для характеристики общественных отношений в деревне и уровня классового сознания разных слоев деревни.

Это не наблюдение случайно попавшего в деревню обследователя—коммуниста, а отголосок **типичных, массовых** воззрений, свойственных деревне нашего дня. В предлагаемой книжке собрано 36 крестьянских писем в „Бедноту“ по основному жгучему вопросу: **кого считать в деревне кулаком, буржуем.**

Наша партия еще далеко не выработала исчерпывающей практической политики в отношении тех, кто бесспорно является кулаком. Еще менее установлен способ безошибочного определения тех элементов деревни, которые относятся к кулацкому слою. А определять надо, по возможности, безошибочно, ибо задеть некоторый слой середняков, значит нарушить линию, выработанную Ильичем и неоднократно принятую партийными съездами.

Одной статистикой лошадности и земельной обеспеченности тут не обойдешься. И любопытно следующее обстоятельство. Зачинщик дискуссии в „Бедноте“ — волостной статистик Смердов — пытался свести признаки кулацкого естества к одним внешним, инвентарным признакам: сколько коров и лошдаей нужно иметь, чтобы попасть в кулаки. Но почти все откликнувшиеся на его письмо корреспонденты неизменно расширяли вопрос. Мало указать, сколько скота, земли и построек имеет человек. Какими способами приобрел он свое хозяйство. Прибегает ли к наемному труду, к торговле, к разным способам кредитования нуждающихся.

Вопрос о мельниках, о кузнецах и других деревенских кустарях поставлен довольно остро. Наивная формулировка т. Смердова: „Считать ли мельника буржуем, если он ведет дело честно и по советским законам“ — получила яркий и резкий ответ в письме № 22. Ведь и крупные городские капиталисты, а также и концессионеры „честно и по советским законам“ ведут коммерцию. Можно ли их считать поэтому не буржуями, а тружениками.

Но еще более интересную и важную струю внесли некоторые корреспонденты в определение понятия кулак и буржуй. Не только размер инвентаря и хозяйства, не только характер хозяйства (наемный труд, происхождение имущества), но также и общественная физиономия данного субъекта. Может быть, **сейчас** у данного крестьянина и скота мало, и хозяйство небольшое. Но это—раскулаченный кулак, у которого революция обрезала крылья. В политике он даже более свирепый враг революции, чем тот буржуй, что нажил сейчас и пользуется нажитым. Нужно расценивать его не только по инвентарю, но и по его общественно-политической физиономии.

„Если помещик приедет из Парижа в лаптях—неужели он в наших глазах станет пролетарием?“ — метко спрашивает один корреспондент.

А другой (бывший красноармеец) даже рассказывает' что он **на практике** при выборах в совет исключил из числа избирателей не только явных кулаков, но и приторговывающих бедняков, исходя из того, что это в общественно-политическом смысле „противный элемент“.

Антиобщественное поведение, срыв культурных и хозяйственных советских начинаний трактуется корреспондентами, как признак кулацкого элемента, не менее бесспорный, чем многолошадность. И как бы расплывчатым ни казался признак антиобщественности, приходится им, хотя и с осторожностью, пользоваться в определении деревенских кулаков.

Письма корреспондентов выдвигают попутно и ряд других интересных моментов. Вот кузнец, трудовик, работает без применения наемного труда. Казалось бы, бесспорный труженик. Но один корреспондент открывает щелочку и в этот наглухо замкнутый „трудовой“ мирок. Кузнец, пользуясь безвыходностью положения мужика, берет с него в горячее время **двойную** плату. Или иначе: кузнец выполняет работу **в кредит**, выручая мужика, но зато впоследствии дерет с него **вдвое**. Вот вам и „без наемного труда“, но эксплоатация самоочевидная.

То же и с другими видами не трудовых доходов — как торговля, маклачество. Нередко этим занимаются бедняки, то есть крестьяне с плохим хозяйством. Но общественное мнение деревни оценивает их так:

> „Что же касается того, что он торгует на гроши, что он жалок сейчас, так это ничего не говорит: все наши знаменитейшие буржуи начинали с грошей. Это клоп, хотя и маленький, но все же клоп“.

Затем, крестьянская дискуссия косвенно затронула очень интересный вопрос о той части новой деревенской буржуазии, которая пришла к достатку через пребывание в комбедах, исполкомах, комнезамах. Бессмысленно отрицать, что изрядное количество предприимчивых, своекорыстных деревенских дельцов погрело руки во время своего пребывания у власти и теперь имеет осязательные результаты, в виде хорошего нового дома, обстановки, скота и тому подобное. По отношению к этим элементам крестьяне настойчиво ставят вопрос: откуда, какими путями взялся достаток. Если **не прямыми** путями общественно-нормального хозяйственного подъема, основанного на многосемейности, культурных способах хозяйства, то это — кулак, буржуй, стяжатель.

Мы обращаем внимание читателей на письмо т. Григорьева-Евсенко с Украины. Автор — промышленный рабо-

чий с 20 летним производственным стажем; в октябре 1917 года получил 5 ранений в борьбе с белогвардейским юнкерьем. Он душой и телом предан революции, как это подтверждают знающие его старые партийцы. Однако, в его письме явственно звучат эсеровские песни, давно нам знакомые. Зрелище людей, устраивающих свое личное благополучие при посредстве комнезама и за счет массы середняков приводит его к горьким и политически ошибочным выводам. Но нужно понять, что если **так** говорит пролетарий полу-большевик, то он отражает голос большой массы середняков и с этой точки зрения его письмо имеет особое значение.

Наконец, два слова об авторах писем. В заметке т. Грандова читатель найдет справку о них. Я обращаю внимание читателя на следующее обстоятельство. Разумеется, некоторые крестьянские корреспонденты не свободны от некоторого идейного влияния на них со стороны кулацких или полукулацких элементов, хотя субъективно корреспонденты настроены, как им кажется, непримиримо враждебно к кулакам. Однако, и над корреспондентами есть строгий контроль деревенского общественного мнения. „Беднота“ избегает помещать статьи корреспондентов за псевдонимами. Этим она воспитывает чувство ответственности в сотрудниках. Поскольку же подписана фамилия и даже точный адрес автора, односельчане могут внести существенные поправки в его писания.

Так и произошло, в частности, с автором письма № 8, крестьянином Козловым. Его „мягко-кулацкая“ ориентация вскрыта была односельчанином крестьянином Базарниковым. Оказывается, в голодные годы у Козлова находили по 75 пудов первачу, а впоследствии скрытую от обложения пашню. Оказывается, письмо Козлова читали односельчане и говорили о нем с раздражением:

— Подумаешь, какой труженик выискался.

Таким образом, деревня имеет контроль над своими корреспондентами. Поэтому, можно считать, что корреспонденты говорят не только от себя, но и от крестьянской массы.

Ильич неизменно учил нас внимательно относиться к голосу масс деревни. Вспомним его работу над 242 земельными крестьянскими наказами при Керенщине. Ильич

заставил нас понять, что против крестьянского „рожна“ переть бессмысленно. Он — неожиданно для многих из нас — заявил тогда, что придя к власти пролетариат осуществит в земельном вопросе ясно выраженную волю миллионов крестьянства, хотя бы и считал крестьянскую программу частично ошибочной. Жизнь покажет крестьянству, что пролетариат был прав.

Разумеется, газетные корреспонденции — совсем не то, что выработанные крестьянами наказы. Да и время другое. Но все же Ильич недаром требовал от редакции „Бедноты“ регулярных сводок о крестьянских письмах. Я представляю себе, с каким интересом читал бы он эти письма об основном вопросе классовой политики в деревне.

Надеюсь, что выпускаемый нами сборник в связи с постановкой на XIII съезде РКП вопроса о политике в деревне не окажется бесполезным для партийных товарищей и заставит организации еще более чутко прислушаться к происходящим в деревне сдвигам.

6 мая 1924 года.

M. Грандов.

Примечания к письмам.

История и характер крестьянской дискуссии.

Все помещенные в этой книжке крестьянские письма, как увидит читатель, вращаются вокруг письма т. Г. Смердова из Даровской вол., Котельнического уезда, Вятской губ. Письмо это было получено в начале 1924 г.

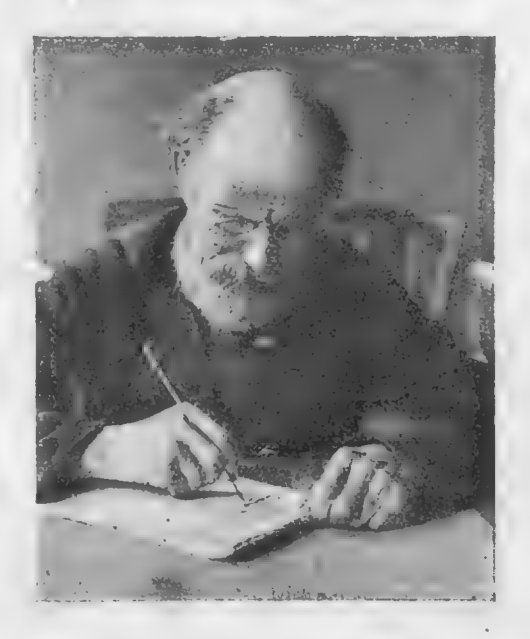
История развернувшейся в „Бедноте“ дискуссии такова. Вначале было решено поместить письмо с ответом редакции и этим ограничиться. Ответ был приготовлен т. Гавриловым от лица крестьянской коллегии „Бедноты“. Но самый

Иван Гаврилович Гаврилов — крестьянин дер. Тшанинца, Подгородной вол., Ветлужского уезда, Нижегородской губ.

После Октябрьской революции был заведующим отделом народного образования в своем уезде и членом ВЦИК IX созыва от группы беспартийных крестьян-делегатов.

Тов. Гаврилов уже три года бессменный член крестьянской коллегии „Бедноты.“ Автор ряда талантливых статей и рассказов.

Всю жизнь занимается сельским хозяйством в родной деревне.

Крестьянин И. Гаврилов.

ответ в заключительной части содержал несколько пунктов, которые, в свою очередь, возбуждали новые вопросы. Например, т. Гавриловым было справедливо указано, что в некоторых местностях вопрос о том, кто кулак и кто труже-

ник, должен решаться с известными оговорками на основании бытовых и хозяйственных особенностей местности. Один только голый имущественный признак еще не дает достаточного основания решать вопрос.

Далее, т. Гаврилов (а впоследствии т. т. Рябой и Чернов) внес еще признак психологического порядка в постановку вопроса (является ли человек по своим наклонностям и по своему поведению на сходах – общественником или антиобщественником). Кроме того, необходимо знать, какие именно причины побуждают крестьянина в каждый данный момент прибегать к наемному труду при условии собственной трудоспособной семьи и свободе от общественных или государственных обязанностей, не позволяющих отдаваться как следует хозяйству.

Все это привело редакцию к решению поставить вопрос, поднятый т. Смердовым, на широкое обсуждение самих крестьян. При этом имелось в виду, во-первых, выяснить степень интереса крестьянской читательской массы к самому вопросу, во-вторых, получить отклики из различных местностей СССР и, в-третьих, убедиться, какую роль будет играть в высказываемых соображениях имущественный признак по сравнению с другими. Наконец, ожидалось встретить в письмах отражение новых, посленэповских настроений в деревне вообще.

Письмо т. Г. Смердова было помещено в начале этого года. Приток писем оправдал все ожидания: за три месяца поступило только по этому одному вопросу около трехсот писем. Замечательно при этом то, что заговорили и такие крестьяне, которые до того никогда в газету не писали. Интерес в деревне к дискуссии оказался огромный: чтение статей на эту тему в избах-читальнях, по свидетельству крестьянских авторов, вызывало, по сравнению с другими статьями газеты, всего более разговоров и споров,

Далее, оправдалась надежда получить отклики из различных местностей. На ряду с Московской губернией мы имеем письма из Воронежской, Саратовской, Калужской, Пензенской, Актюбинской, Владимирской, Гомельской, Тамбовской, Новгородской, Татреспублики, Украины (Проскуровского округа) Ярославской губернии, Нижегородской, Орловской, Симбирской, Вотобласти (Глазовского уезда),

Иваново-Вознесенской губернии, Кустанайской. На самом деле разнообразие местностей идет гораздо дальше, но здесь мы перечислили лишь те местности, к которым относятся письма, помещенные в „Бедноте“.

Что касается подхода к вопросу, то и в этом отношении дискуссия дала много ценного в том смысле, что психологический признак (кроме экономического), фигурирует довольно часто в анализе разбираемого вопроса.

Наконец, письма вскрыли чрезвычайно яркую картину отношений в деревне при НЭП'е. Много поучительного представляет в письмах мнения, отражающие отношение к частной торговле, частному предпринимательству, с одной стороны, и кооперации—с другой.

Еще одно замечание считаем нужным сделать относительно того, кто является авторами писем. Громадное большинство авторов—коренные крестьяне, постоянно занимающиеся сельским хозяйством. За двумя или тремя исключениями все отозвавшиеся — беспартийные. Письма помещались без всяких редакционных изменений, если не считать самых мизерных сокращений за счет повторения одних и тех же фраз. Стиль, язык, образ, дух, настроение письма,— все это тщательно оберегалось при печатании писем. Примечания от редакции, которые давались пишущим эти строки, строились так, чтобы у читателя не составилось представления о предвзятом отношении редакции к авторам и нетерпимости ее к „неугодным“ мнениям. Благодаря этому дискуссия до конца сохранила всю полемическую свежесть.

К книжке прилагаются фотографии, факсимиле и краткие биографии нескольких авторов, что поможет читателю составить себе более наглядное представление о писавших.

Дискуссия в „Бедноте“ еще не закончилась. Письма до сих пор продолжают поступать. Редакция намерена помещать в дальнейшем только те, в которых не будет повторений предыдущего и которые обнаружат новые оттенки подхода к вопросу.

Решения, которые примет предстоящий съезд по крестьянскому вопросу, встретят читателя „Бедноты“ вполне подготовленным к критическому и сознательному их восприятию.

6 мая 1924 г.

ПИСЬМА.

Тов. Смердов из села Даровского, Котельнического уезда, Вятской губернии, пишет:

„За последнее время в глушь деревни проникло слово „буржуй“. На деревенском языке оно стало словом бранным и для многих—прямо позорным. Оно употребляется везде, к месту и просто для насмешки, и бьет по всему, что попадет на язык, а именно: построил себе креетьянин новую избу, приобрел вторую корову, сани и прочее, и ему всюду сыплют в глаза: „Эх, буржуй, разжился при советах-то. По тебе, небось, власть-то. Раньше, небось, и коровы не было да и из землянки не вылезал, а ныне, вишь, как разжился“.

И мало-мальски передовому трудолюбивому крестьянину нельзя показаться ни на базаре, ни на собрании—засыплют насмешками. Нередко сыплют: „Долой его! У него новая изба, две коровы“. И убирается с собрания наш исправный крестьянин. И горько ему, и обидно. Идет домой, думая: на кой чорт дернуло меня купить вторую корову. А ведь советская власть стремится поднять сельское хозяйство, а я вот немного подтянулся и пропал.

И вообще в деревне теперь мало-мальски мощным хозяевам нет никуда выхода. Вся злоба вымещается на них. У них и скотину побьют и огород поломают, хлеб потопчут, овощи нарушат, скирды раскидают, а в праздники окна побьют и самого изобьют. А где искать защиты, ведь его зовут буржуем, а их, говорят, и советская власть не любит.

В заключение своего письма т. Смердов спрашивает:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом?

2. Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?

Отклики на письмо т. Смердова.

I.

Правда, гражданин Смердов, вполне согласен с вами, весьма неприятно при всем честном народе получить в лицо „буржуя". Народ-то, вишь, дурак, увидал у человека мельницу или четырех коров с тремя лошадьми и не хочет приравнять к себе,—„буржуем" называют.

Теперь позвольте, гр. Смердов, ответить мне на ваши вопросы:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего 2—4 коров, 2—3 лошадей и „приличный" дом?

Можно, гр. Смердов, **в том случае**, если этот крестьянин имеет земли по каким-либо „обстоятельствам" [больше, чем у его граждан. И если пользуется к тому же наемным трудом.

2. Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

Кулаком считать такого гражданина не то можно, не то нет, смотря по его личным „качествам", ну а буржуем и богатеем можно считать. Вам, как вероятно, известно, гр. Смердов, все население деревни делится на три группы: на бедняков, середняков и богатеев-кулаков. По вашему выходит, что мельника отнюдь богатеем считать не следует, а следует считать „тружеником" и, по меньшей мере, середняком. Так кого же тогда, по вашему, гр. Смердов, считать богатеем-то, буржуем, или, быть может, по вашему никого не считать, а отнести всех оных к середнякам; так вам бы, гр. Смердов, следовало бы спросить любого середняка: как бы он отнесся, если бы его стали сравнивать с мельником, а чего доброго, и с деревенским фабрикантом—кулаком-лиходеем. Думаю, что замахал бы руками и ногами. Я думаю, что позор середнякам, если на одну с ними ступеньку станут ставить мельников, кулаков и прочих „тружеников".

3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?

Вообще, по моему, всякий торговец в крестьянской среде, будь он мелким или крупным, является элементом нежелательным, который, так или иначе, в большей или меньшей степени, паразитирует крестьян, заставляя их давать ему доход на том, чего он не производил, то-есть „делает на чужой труд надбавку".

Что же касается того, что он торгует на гроши, что он жалок сейчас, так это ничего не говорит; все наши знаменитейшие буржуи начинали с грошей. Ну, а на счет смерти с голоду, так я думаю то, что если у него нашлись гроши на торговлю, почему бы ему было не найти этих грошей для обзаведения крестьянским хозяйством, а то видно, не на том тесте замешан—потянуло на торговлю. Это, гр. Смердов, клоп, хотя маленький, но все же клоп, а из маленького клопа может вырасти большой, а не то и целый паук.

Я думаю, что мои слова подтвердят все крестьяне, не принадлежащие к группе кулаков-богатеев и их приспешников.

Беспартийный крестьянин

Александр Линьков.

Московской губернии, Волоколамского уезда, Калеевской в., дер. Никольское.

II.

Вопрос о кулаке, о том, как его отличить от труженика, поднят письмом в „Бедноту" очень кстати. Понятие о кулаке само по себе является довольно растяжимым,— и что у нас в деревне подчас рядового труженника относят к категории кулаков, в этом не может быть сомнения, и что этим людям не дают дороги к общественной работе, то этого тоже отрицать не приходится.

У нас в большинстве случаев на хозяйственного, примерного, обеспеченного постройкой, скотом, инвентарем, к тому же выделившегося на участок—смотрят, как на определенного кулака.

Ему не дают в некоторых случаях права голоса, всячески травят его в обществе, и такой крестьянин говорит:

— Что же, по вашему, я должен быть таким же бедняком, как и вы? Не иметь лишней коровы, лишнего хлеба?

У такого крестьянства, называемого в действительности середнячеством, создается недоброжелательное отношение к советскому правительству, к его начинаниям.

— Говорят, мол, о восстановлении сельского хозяйства, о мощи крестьянской, а строить образцовое хозяйство—не дают.

Отныне крестьяне на местах должны иметь полное и ясное представление о сущности кулака и не мешать его с середняком.

Кулаком нужно считать такого зажиточного крестьянина, который имеет **побочный, главным образом, торговый заработок, который и создает самую зажиточность, и который всячески при каждом случае объегоривает своих односельчан, ставит их в зависимость, и так далее.**

Крестьянин же, имеющий хотя бы большое количество скота, необходимый для более культурной обработки земли инвентарь и занимающийся исключительно сельским хозяйством—тот не кулак, а крестьянин-середняк, на котором и строится налоговая политика, который только и может на своих плечах вынести лишения, тяжелые бедствия страны.

В № 1731 „Бедноты“ в письме из Вятской губернии тов. Смердов, поднимая вопрос о кулаке, спрашивает:

— Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошадей и приличный дом?

На этот вопрос прямого ответа, по моему мнению, быть не может. Никакой предельной нормы скота или еще чего в этом роде, для определения кулака, установить нельзя.

Нужно опять-таки смотреть в самый корень вещей.

Крестьянством ли занимаясь, приобрел он этих 4-х коров, лошадей? Или—путем барышничества, торговли, постороннего заработка?

А разве таких мало крестьян, у которых хозяйство маленькое, бедное, а психология, настроения, взгляды чисто

кулацкие? Такие типы есть и для них невозможно определение с точки зрения материальной.

Вот вопрос относительно арендаторов мельниц, крупорушек, кузниц и прочих, необходимых в деревне предприятий—более серьезен. Здесь труднее отличить мельника-труженика от мельника-кулака. Но и здесь определение должно быть точно и ясно.

Никто из этих людей не может быть отнесен к кулакам, буржуям, если они, занимаясь тем или иным промыслом не нарушают никаких законов. Ведь, нельзя же, скажем, мельничный промысел назвать преступным! Мельница в условиях деревни является необходимейшим предприятием, кузница—тоже. И как можно людей, занимающихся этой работой, отнести к кулакам и всячески смотреть на них, как на чуждый элемент, травить, отгонять их из общества!

Поэтому на вопрос того же вятского Смердова: „можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?".—Я отвечаю: нет, нельзя. Такой мельник—не буржуй, не кулак, а обыкновенный труженик.

Нужно как можно осторожнее подходить к определению кулачества. Не относить к нему крестьян-середняков, к которым отношение должно быть хорошее, искреннее, как к честным пахарям и передовым крестьянам, у которых многому можно научиться в области восстановления, улучшения и укрепления сельского хозяйства.

И. Михно.

С. Черная Грязь, Кумовской вол., Перемышльского у., Калужской губернии.

Крестьянин И. К. Михно.

Михно, Иван Карнеевич, крестьянин Калужской губ., Перемышльского уезда, Кумовской волости, села Черная Грязь. Родился в 1903 году. Отец его украинец-казак был убит во время русско-японской войны. Мать вышла замуж вторично за зажиточного крестьянина Калужской губ. Отчим отдал его учиться в Кимрское реальное училище.

Октябрьская революции застала Михно в школе. В 1918 г. вступил в ячейку Коммунистического ученичества, затем в РКСМ.

В 1919 году вступил в отряд особого назначения, продолжая учиться и председательствовать в школьной ячейке РКСМ.

Летом 1920 года он вернулся в деревню и с тех пор живет в селе Черная Грязь. Сразу же по возвращении его выбрали в райсовет, а затем членом Кумовского волисполкома и заведующим отделом народного образования. Во время голода он с товарищем собрал 600 пудов Поволжью, за что ВЦИК'ом волость была занесена на красную доску.

С 1921 года т. Михно 3 раза избирался председателем волисполкома.

III.

В 1917—18 г.г. мы могли до точности определить, кто буржуй, кому не дать слова на сходе, на кого наложить чрезвычайный налог.

Имел собственность, эксплоатировал чужой труд, платя за труд несчастные гроши — значит **буржуй.**

Имел лавочку, не жил своим трудом, одурманивал нас на гнилой селедке, значит — **буржуй.**

Ну, **а что же нам делать теперь?** Частной собственности нет, лавочки нет. Во время гражданской войны у него забрали все. Какой меркой будем мерить буржуя и бедняка теперь?

На этот вопрос можно ответить **после того**, как просмотреть **историю** развития деревни, **как** она подымалась **вверх** и **как** доходила, что называется, до ручки.

Первый подъем деревни мы видим с момента столыпинского закона, который разделил на две группы деревню. С одной стороны, сели крепкие собственники, владельцы участков, а с другой—стала беднота, не имевшая возможности приобрести участок земли, и часто попадала в батраки к первым.

Период 1918 — 20 г.г. характеризуется упадком хозяйства всей деревни, а если и не всей, то значительного большинства.

И, наконец, в период 1921 — 23 г.г. — опять подъем деревни, но этот подъем **имел совершенно другие формы, чем раньше.** В этот период произошла большая перегруппировка деревни. **Та кучка буржуев, которая выскакивала при Столыпине на участки, в этот подъем растеряла значительную часть во время движения от 1917 до 1921 г.**; но зато деревня приобрела такую же часть **из другой группы, которая раньше не в силах была купить участок.**

Вот теперь мы и должны определить роль этих двух групп, какую пользу дает нам одна и другая группа, **и какая из них более опасна**, какую можно пустить в огород, а какую нельзя, так как она пожрет с корнем капусту,

Я думаю, нам надо условиться не гнаться за каждым „штрычком", когда нас будут называть буржуем в деле и не в деле. К кому это слово касается, к тому оно пристанет, а кого не касается, кто нажил трудом 2 лошади, тому, что называется, ни „гу-гу". С собрания ты его и пушкой не прогонишь, потому что он тяготеет к тому творчеству, к которому его допустили. Он знает, что он хозяин, но не помещик.

Как же и по какой причине группа богатеев отстала от своих, и — **как группа, почитай, бедняков с одной лошадкой догнала буржуя?** Вот как: в момент гражданской войны, особенно там, где проходил фронт, вся тяжесть этого фронта лежала на этом „богатее". Он давал или у него брали лошадь, коров, брички, одежду, хлеб и так далее, так что у иного оставались рожки да ножки. Так он и остался и сейчас, потому что ему теперь не подсобляют, — за его прежние проделки. Сам же он не в состоянии подняться, так как теперь богатеть без посторонней помощи трудно, а убеждение его — **изменилось или нет? Нет! У него еще большая вражда к тому, кто сделал его „несчастным".**

И наоборот, тот крестьянин, который раньше принадлежал к бедноте, благодаря разных льгот, мог подрабатывать, хотя на одной лошадке. **А если как-нибудь у него остались дома рабочие руки, то тем более он мог запахать лишний кусок земли, скосить больше лугу, достать лесу** (а, ведь, были

такие случаи, что лес дают, да некому его рубить, возить, и поэтому надо отказаться), **а кто имел рабочие руки, тот навозил и построил хату**. Обвинять в этом крестьянина нельзя, **так как лес ему дала советская власть**.

Так вот, — только так „забогател“ бывший бедняк, приобрел новую хату, 2 лошади и попал бедный труженик в список буржуев. Гонят его с собрания, не дают слова тому, кто на век останется другом пролетария и в действии, и по убеждению. Звать его буржуем, не давать слова, не выбирать в совет есть самая грубая ошибка.

А вот та группа, которая отстала от своих богатеев, она, **несмотря на то**, что гольма-голая, а **смотрит на старое, болеет душой о нем, ругает того, кто отобрал у него подарок Столыпина**. Он поджидает удобного момента, чтобы вернуть все старое. Он тяготеет к старому, молится богу, заклинает всех неверных. **Новый** „богач“ богу — **не молится**. Он знает, что это **не от бога подарок, а это результат его тесной работы с рабочими от станка. В союзе с ними он получил землю, льготу, в союзе он пойдет и дальше и чураться его нельзя.**

Что же касается той группы буржуев, которая и испытала всю тяжесть, но все же осталась сильна, то их надо соединить с нашими отставшими друзьями. Это яблочко с одной яблони, от одного корня.

Итак, на вопрос крестьянина Смердова: можно ли называть буржуем имеющего 3 лошади, 3 коровы, новую хату? **Можно, да осторожно; посмотри — в чьей он шкуре**. Имел собственность, эксплоатировал чужой труд, знать — „буржуй“, можно не дать слова, из совета можно выгнать. Нет этих признаков, знать — наш. По коровам судить о буржуе нельзя, иначе мы насажаем в совет не только бывших кулаков, но и помещика, вернувшегося в лаптях из путешествия из Парижа в новую Россию!

Краском **С. П. Гречкин**.

Крестьянин Воронежской г.,
Бобровского у., слоб. Криница.

IV.

Позвольте мне, безпартийному, состоящему в должности председателя правления Волостного Единого Потребитель-

ского Общества, откликнуться на статью: „Кого считать кулаком, кого — тружеником“?

Кулаком или буржуем, по моему мнению, можно считать всякого крестьянина, который:

а) имеет лавочку, торговлю и так далее;

б) дает свои избытки в рост, под проценты;

в) не блюдет советских законов и ведет агитацию против Советской власти; всякого же крестьянина, имеющего не только один хороший дом, а несколько домов, не только одну корову или одну лошадь, а несколько, но если все это добыто упорным трудом по землепользованию, разумностью, трезвостью, знанием и опытом, то хотя бы этот человек и использовал труд безработного в пределах „кодекса о труде“, — то этот крестьянин должен считаться первым гражданином Советской республики и, наоборот, всякий бедняк, бедность которого, — будет доказано, — происходит от лености, разгильдяйства, пьянки и так далее, должен считаться врагом советской страны и позором своей деревни.

Арендатор мельницы, блюдущий законы о труде, ведущий дело честно, наживающий, при полной нагрузке силы своей семьи, общественно-приемлемый процент на свое предпри-ятие, — должен считаться уважаемым законом.

Бсякий бедный, **торгующий** в деревне человек, нежелающий улучшить свое крестьянское хозяйство и жить исключительно этим хозяйством, должен считаться человеком, ищущим легкой наживы и в нем нужно видеть будущего кулака, и потому должен считаться: когда он бедный, то „маленьким кулачком“, а когда станет богаче — настоящим кулаком.

Поясняю, почему, по моему мнению, всякий гражданин, имеющий хороший избыток в деревне, в чем бы таковой избыток ни заключался, и если этот избыток производственного происхождения, должен быть уважаем и взят за образец.

1) Советская власть, если так можно выразиться, самая буржуазная власть на свете в том смысле, что ни одна власть так не стремится сделать граждан своей страны бо-

гатыми, счастливыми, сделать труд человека легким и приятным, как Советская власть, но только хочет этого достигнуть не посредством эксплоатации человека человеком, а посредством упорного труда и науки.

2) Советская власть, если и считается властью бедняков, то не потому, что она хочет сделать всех бедняками и нищими, а потому, что она хочет помочь беднякам стать богатыми, имеющими не только хорошие дома, а целые дворцы.

3) Всякое иное толкование со стороны Советской власти о своей сущности, или отрицание ею прав на уважение всякого зажиточного человека, сколько бы и в чем бы этот избыток ни заключался, но раз этот избыток нажит не вопреки советским законам, было бы проявлением дешевой демагогии и даже больше — подхалимством власти перед теми, коих много и коих можно, пожалуй, любить, а не уважать.

Бибиков, Петр Георгиевич.

Ст. Колышлей, Ряз.-Ур. ж. д.
Сущевское Общество Потребт.
9 февраля 1924 г.

V.

Я думаю, что всякий честный и расчетливый землероб деревни так же, как и я, скажет, что постройку новой избы, приобретение второй коровы, саней и прочие улучшения, произведенные в крестьянском хозяйстве, не только нельзя считать буржуазными зачатками, но даже преступно мешать этому в наше время, когда наше сельское хозяйство переживает после войны и голода небывалую разруху, под каким бы предлогом это препятствие ни проявлялось.

Зная деревню со всеми ее темными и отсталыми взглядами, с неотрешившимся еще стремлением—какими бы то ни было средствами поднять свое хозяйство до уровня среднего или даже зажиточного крестьянина (это стремление действительно есть в каждом почти крестьянине—мы скрывать не должны),—я затрудняюсь верить тов. Смердову, что трудолюбивого крестьянина, построившего новый дом или купившего вторую корову, презирала бы масса и гнала с общественных собраний. Если же случаи, указанные

тов. Смердовым, действительно имели место, то, вероятно, по другим, более основательным причинам, которые, быть может, тов. Смердов упустил.

На вопросы тов. Смердова можно дать следующие ответы:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом?—Можно считать кулаком (а не буржуем — эта кличка, по-моему, является более подходящей для городского зажиточного и живущего за счет чужого труда элемента, а для деревни я это слово называю кулаком, как и озаглавлена сама статья в газете),—если он пользуется при обслуживании своего полевого и домашнего хозяйства наемным трудом, или кроме своего богатого хозяйства ведет торговлю и имеет нетрудовые доходы. В противном случае его можно считать только зажиточным крестьянином.

2. Можно ли считать буржуем или кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?—Я не знаю, как понимает т. Смердов вопросы „честно и по советским законам". Если он понимает так же, как я, что вести эксплоатацию арендуемого предприятия—мельницы—без привлечения труда посторонних лиц, исключительно силами своей семьи, то ни буржуем, ни кулаком такового крестьянина-арендатора назвать нельзя,—в противном случае, то-есть, при применении наемного труда, его вполне можно считать кулаком.

3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?—Прежде всего, никак нельзя поверить, чтобы „бедный человек" на гроши мог вести торговлю какую бы то ни было, тогда как при настоящих ценах на продукты, как городской, так и сельской промышленности,—без ста тысяч не купишь ни рубашки, ни поросенка.

Человек, добывающий себе средства на пропитание путем торговли, как легкой и сплошь преступной наживой (ибо пословица метко говорит: „не обманешь—не продашь"),—само собою становится паразитом общества, наживающим барыши на предметах и продуктах, добытых чужим трудом, а потому одним из самых позорных и нетерпимых видов

кулачества в деревне я считаю деревенских торговцев, без деления на ранги—бедных и богатых.

Беспартийный крестьянин **С. К. Разинов.**

Член сел.-хоз. земледельческой артели „Успех", при селе Канаве, Симбирского уезда и губернии.

VI.

— Можно ли назвать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?

По моему мнению, если человек **нетрудоспособный** и негде ему достать кусок хлеба, он начинает торговать, то это еще не значит, что он—кулак, ибо он идет торговать потому, что ему нужно существование, **но если этот человек из ручного торговца, преследуя наживу, будет превращаться в лареченика, а затем и в лавочника, то нет сомнения, что его нужно отнести к буржуям, хотя он начинал торговать на руках с папирос и семечек.**

В. Светцов.

Красноармеец Клементьевского артполигона, Можайского уезда, с. Клементьево.

организоват товарищество или какую либо артел и открыть
мастерскую а также и кооператив а притакже имеются дома инвалидов
выбирайте любое что для вас лутше но торговей заниматса явление
нежелательное так как торговля трудом несчитается хотя вы ней
и занимался инвалид как считать тех гр-н которые до сих пор
смотрят на советскую власть косо и при разговоре всячески стараются
доказать не работоспособность ея если гр-н неграмотный и немогот
разобратся в окружающей обстановке одним словом темнота и
невежество непозволяют ему отличать черное от белого такие гр-не
по моему мнению к кулакам не относятся но есть и такие порядочно
грамотныя и вовсем разбирающая довольно тонко но всетаки рабоче-
крестьянская власть для них вы ногах нехороша чего для них нехватает
разве только того что в старое время деревня равнялась на них а
теперь это время для них прошло ним приходится на других равнятся
как считать таких гр-н кулаки хотя вы они и чужой труд неэкспло
атировали и до тех пор будут кулаки докуда не исправятся

Крестьянин В. Цветков дер. Шутцы остреговской волости
середского уезда иванова вознесенской губ.

прошу уважаемою редакцию бедноты пропечатать мое
письмо а также и высказать свой взгляд по поводу написанного

преследуя наживу будет превращаться в ларечника, а затем и в лавочника, но нет сомнения, что его нужно отнести к буржуям, хотя он начинал торговать на руках с папирос и семячек.»

В. Светцов

Красноармейцу Клементьевского артполигона Можайского уезда Виктор Алексеевич Светцов

9/II 24 с. Клементьево.

VII.

Деревня слишком разношерстна: тут есть и бедняки, тут есть и середняки, торговцы-спекулянты, крестьяне, имеющие промышленные предприятия, крупорушки, просорушки, мельницы, овчинные мастерские, красильни, кузницы; хозяева портные, сапожники, столяры, слесаря и другого рода кустари; кое-где остались и бывшие помещики.

Земельная норма у всех как бы одна и та же, а живут по разному.

Но нельзя же всех, живущих лучше бедняка, причислять к лику кулаков.

Торговец-спекулянт определенно мародер, кулак.

Случайно уцелевший в деревне бывший помещик—бессмертный паразит.

Крестьяне-кустари, ремесленники, содержатели предприятий и крестьяне-земледельцы, **пользующиеся наемным трудом, без которого могли бы обойтись и управиться силами своего хозяйства—кулацкий элемент**.

Но рискованно называть кулаками ремесленников, кустарей и содержателей перечисленных мною предприятий, кои, по своему производству, не могут обойтись без наемного труда, но при условии, если сам хозяин специалист своего дела, сам вместе с рабочими работает и члены его семьи не могут заменить наемных рук.

Кроме того, точно выполняют все требования закона о труде в отношении рабочих, уплачивают без противоречия возлагаемые на них налоги, аккуратно и добросовестно исполняют поручаемые им заказы. Значит, содержателей мелких предприятий, ремесленников и кустарей, которые

обходятся без наемного труда, уж никак нельзя назвать кулачеством.

Нельзя умолчать про прежних, старых, дореволюционных кулачков. Многие из них примирились с ходом революционной жизни,—так сказать, положились „на волю божью"; но некоторые из них частенько **сознательно** поговаривают, что был Николашка дурачек, и хлеб стоил пятачек. **Вот за этими последними, хотя бы они и не подходили ни под одну из указанных мною категорий кулачества, все-таки сохранить титул „кулака".**

Всех же остальных крестьян, отличающихся от бедняка лишь тем, что у него хорошая стройка, больше скота,— отнести только к середнякам-труженикам. И странно было бы их относить к кулачеству. Если красный Октябрь смел старых буржуев, то это вовсе не значит, что мы все должны быть бедняками. Задача нашей революции, чтобы всем рабочим и крестьянам жить получше, покрасивее прежних буржуев. Пусть скорее осуществится лозунг крестьян-тружеников: „Борьба ~~с кулачеством и~~ лодырничеством", „Да здравствует прекрасная, красивая, построенная на основе социализма, жизнь!".

Участковый землеустроитель **Дышлер.**

П/о. Ольгино, Орловской губ.

VIII.

Можно ли считать „буржуем" крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом? Вопрос довольно растяжимый. Если он сам и его семья занимаются в хозяйстве личным трудом, то одно уже это—доказательство, ограждающее его от клички „буржуй". Если у него к настоящему времени такое состояние хозяйства дошло **после многолетнего и упорного труда,** и вылез он из землянки в приличный дом, то разве советская власть не стремится к тому, чтобы каждый крестьянин имел бы по 2—3 лошади и коровы, исправно, без нытья, платил бы налоги, жил в приличном доме, а не по-скотски и был все таким же крестьянином, а не „буржуем"?

Но если уж после этого будешь „буржуем", слышать нападки и насмешки, то тогда непонятно, зачем весь этот шум и гвалт, газетный и брошюрный: **„поднимайте сельское**

хозяйство, вводите травосеяние, увеличивайте скотоводство, улучшайте жизнь крестьянина и тому подобное?“ Послушаешь,— начнешь улучшать, к новому ведению хозяйство приспосабливать, получил что-нибудь лишнее—ан, глядь, в „буржуи“ попал. Тогда лучше уж сидеть опять на трехполке, на сохе да на кляче, с коровкой на дворе, а с водичкой на столе. На душе будет спокойно, никто не потревожит.

По второму вопросу: можно ли считать „буржуем“ и „кулаком“ арендатора мельницы?—Тоже нет: во-первых, он только арендатор, держит мельницу в аренде полгода, год, а там вдруг кто-нибудь даст больше за аренду, ну, и вылетай с мельницы, а у него своего, глядишь—ни кола, ни двора (а таких арендаторов много, раньше где-нибудь у помещика на мельнице был работником, ну, и научился). А, во-вторых, держать в аренде мельницу и лично на ней работать чуть ли не по 20 час. в сутки (как это мы лично знаем про своих арендаторов-мельников), то на это, пожалуй, ни одного буржуя не соблазнишь. Потом, если он ведет дело честно и по советским законам, мельницу и прочие сооружения поддерживает в полном порядке,—то это похвально, а то у нас был наглядный случай с мельницей при дер. Спешиловка, в 5 вер. от ст. Пушкино. Работали, работали на ней разные советские учреждения и доработали, что плотину прорвало, постройки наполовину разрушились и стояла она в бездействии более года, и другие, поблизости от нее, тоже не работали.

Вот это и заставило окружающее население устраивать в каждом дворе примитивные ручные мельницы, известные у нас под названием „верти-сам“. Но вот нашелся арендатор восстановил плотину, исправил постройки, произвел улучшения, и мельница заработала полным ходом.

По третьему вопросу — о торговле. Раз у нас торговля узаконена, пусть он будет хоть и частное лицо, отчего же он „буржуй“? Вот когда государственная и кооперативная торговля усовершенствуются и внедрятся в деревню, то тогда все эти торгующие „буржуи“ исчезнут бесследно.

Крестьянин **Н. И. Козлов.**

Ст. Средняя, Сызран.-Вяэем. жел. д.,
Калужской губ., с. Пушкино.

От редакции. Насчет торговцев совсем другое мнение высказано в письме кр-на Линькова (№ 1737 „Бедноты“, от

12 февраля). Прочитайте, т. Козлов, не согласитесь ли вы с Линьковым? Не так-то просто обстоит дело с торговцем, как вам кажется.

IX.

Вопрос очень интересный и является злобою дня в деревне.

Действительно, революция принесла нам много разных словечек и между ними — кулака с буржуем преподнесла. Да уж и вправду, похабней и обидней слова „кулак“ и „буржуй“ для трудового крестьянина — нет.

Как же, — трудится бедняга, из кожи лезет... Только нужду перелез и досыта хлеба наедаться мужичок стал, а тут вдруг бродяга, мот, самогонщик-сосед ему „буржуя“ закатит. Ну, и, ясное дело, сейчас-же руки до всякого дела опускаются. То дело на этой почве скандалы и неприятности бывают, дело до кулаков доходит. Бывает еще хуже.

Смотрит, смотрит трудовик-мужик, слушает побранку и похабное прозвище да и... запьет, ударит по самогонщине... Прощай тогда все мужицкое добро. Уж очень обидно, когда это кулаком или буржуем назовут...

Я вот — сельский народный учитель. Сам из лаптя вышел. Семнадцать лет в Атмисе, Н.-Ломовского уезда, Пензенской губернии живу и все это вижу. Как прочитал статью в „Бедноте“ относительно кулачества, так и захотелось мне поделиться жизненными фактами на этот счет. Уж больно они мне в память врезались. Потому, собственно, что на своей шее все это перенес, за трудового брата-мужика вступившись.

Дело было в 1918 году, осенью. У нас в селе Атмисе организовался „Комитет бедноты“. И попал в этот комитет люд безуемный, бездомный, вечно праздношатающийся, лодырь и до самогонки охочий.

Перво-наперво своим долгом „комитет бедноты“ счел „атмисских кулаков“ на 2.500.000 золотых рублей обложить. Сказано — сделано. Тут же и список составили и в экстрен-

ном порядке направили в город. Ну, а там долго не задумались: — „Собрать в три счета...“ И начались стоны и рыдания по Атмису, — волосы дыбом встают.

Двор под двор, всех под дугу гнать стали. Пособрали самовары, чугуны, топоры, хомуты, квашни и все добро мужицкое. У кого же нечем было отдать — в каталажку сажали и в город отправлять начали.

Постарался я было вразумить и объяснить „комитетчикам,“ что нет кулаков в Атмисе, а в список внесены самостоятельные мужики-трудовики. И слышать не желают. Не хватило терпения, — написал о таком безобразии в город. „Авось, мол, народ поразбитней, поймут и налог отменят.“ Появилась моя заметка в газете, а меня в Ломов к самому председателю уисполкома вызывают. Екнуло мое сердце — недоброе чует. Бедой пахнет...

Являюсь. Председатель уисполкома в кабинете редактора местной газеты на этот раз очутился. Иду туда. Докладываюсь.

— Ты что-же это, власти подчиняться не хочешь,—заорал на меня председатель уисполкома, блаженной памяти тов. П. — В Атмисе новую республику кулацкую открывать и защищать хочешь... У тебя в Атмисе кулаков нет, все трудовики, а вот видел список... Да я тебя!! Ар-р-ре-стую!.. Ра-а-стре-е-ляю!..

С тем же набросились на меня и все присутствующие в кабинете редакции.

Ничего подобного я не ожидал. Я стоял, точно пленный турок, и ни словинушки не понимал. А брань все сыпалась. Угрозы за угрозами...

— Вот, смотри, это, по-твоему, не кулак?! Это трудовик?!— ткнул председатель уисполкома пальцем в список.

Читаю — Дмитрий Иванов Сазонов. Дом. Две лошади и жеребенок-лонщак; две коровы; десять овец, две свиньи и так далее.

— Нет, — говорю, — это не кулак. Этого мужика я хорошо знаю. Частенько летом, утречком, этак часа в четыре утра еще, спозаранку, этого самого Сазонова я видел едущим в поле на двух лошадях — спина со спиной с работником. Да, он нанимал себе в подмогу работника. Но это был работник, а не батрак. Доехав до полосы в поле, дядя Мит-

рий брал кошму и рассеивал, а работник тем временем пахал. Кончал сеять, а сам за другую соху брался. Убрали полоску — ехали убирать работникову. И жил дядя Митрий хорошо, зажиточно. По праздникам мясо ел, лишнюю копейку имел и кое-когда мужика-бедняка выручал. Так что кулачества и эксплоатации я тут не вижу.

Начали перебирать список дальше. Даю соответствующие объяснения. И, в конце-концов, оказалось, что кулака-то в Атмисе ни одного и не оказалось. Но тем не менее мне было дано внушение, чтобы я больше „не в свое дело не совался...“ По счастью вскоре и комитеты бедноты упразднились. Похабная же кличка „кулак“ и „буржуй“ и до сих пор остались. И по сию пору позорят они трудовика-мужика неповинного.

С этими словцами в наших захолустных углах борьбу отчаянную повести нужно. И совсем их вон, как поганую траву вон из поля, выбросить пора. Давно пора.

Нет, — скажу я, — считать буржуем крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом, — никак нельзя. Ни в коем случае не следует. Это не буржуй, а трудовик-крестьянин. Потовик — сказал бы я. Пусть все подымутся до такого мужика. Вот тогда мы и поднимем наше хозяйство, а тем самым выполним завет покойного Ильича.

Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам? Конечно, нет. У меня пример под руками. В нашем селе Атмисе мукомольную мельницу на реке Атмис арендует тов. Ерхов, П. И. Человек — знаток своего дела. Хорошо поставил мельницу на турбинах своего приготовления. Поставил толчею, просодранку, сукновалку. Поставил динамо-машину и более 200 дворов электричеством освещает. Плата за это незначительная. А именно — во время прудки мельницы каждый освещаемый крестьянин должен или сто тачек земли к плотине подвезти, или десять возов навозу, или же два дня отработать. И то и другое и третье—два дня. А в то же время чуть не круглый год мужик освещается с сумерок до полночи и с четырех часов утра до белого дня. Это ли еще не удобство!

Живет гражданин Ерхов в более или менее сносных условиях, по-человечески. А ведь в нашем округе за кулака считается. В то же самое время по честности все выполняет и по советским законам живет.

Нет, его тоже нельзя подвести ни под рамку кулака и ни буржуя. Он—трудовик.

Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду? Тоже нет. А тем более, если еще человек земельного участка не имеет и в городе или пригороде живет. Если он не будет с лотка торговать, то с голоду помрет.

Слово „буржуй“ для деревни неприменимо. А что же такое „кулак“? По-моему, кулак—человек, живущий исключительно чужим трудом и от чужого труда. Другими словами—паук-кровосос. У нас таких нет. Все живут своим трудом.

Учитель **Г. Смагин.**

С. Атмис, Н.-Ломовского уезда,
Пензенской губ.

От редакции.

Автор совершенно не учитывает громадной революционной роли, которую сыграли комитеты бедноты. Эта роль бесспорна и **нисколько не умаляется тем обстоятельством, что отдельные, единичные комитеты действовали неправильно** или включали в свой состав отдельных неблаговидных членов. Читатели, надеемся, сами подкрепят это **примерами из действительности,** которую наш автор рисует себе на основании **слишком узких** наблюдений в **слишком узком** кругу деятельности. **Нельзя забывать, что в свое время деревенская беднота вырвала свои права и революция закрепила свои позиции в деревне, главным образом, благодаря комитетам бедноты.** В этом их исторически важная заслуга.

Что касается мельника Ерхова, то очень хорошо, что он—умелый производственник, деятельный организатор и т. д. Но вместе с тем надо понимать, что успехи многих таких Ерховых достигаются за счет эксплоатации рабочих и всяческих помольных махинаций. Другое дело, если бы Ерхов применял все свое знания и умения, **состоя на обще-**

ственной службе (в кооперативной или государственной мельнице и т. п. Пусть Ерхов работает, **но пусть он стоит перед глазами крестьян, как живой укор их неорганизованности, их неумения воспользоваться в общественном порядке теми же средствами** (мельница и проч.).

Будущее должно быть не за Ерховыми, а за общественниками-кооператорами, за людьми, подобными автору, который сам является организатором кооперации в своей родной волости.

Учитель Г. Д. Смагин.

Смагин, Георгий Дмитриевич — по происхождению крестьянин — сельский народный учитель.

17 лет безвыходно живет в селе Атмисе, Н.-Ломовского уезда, Пензенской губ. Организатор и руководитель сельскохозяйственного товарищества в с. Атмисе.

Все свои свободные минуты посвящает культурно-просветительной работе среди крестьян.

X.

Вопрос довольно-таки щекотливый и требующий осторожного подхода.

Постараюсь ответить на него по личным наблюдениям над жизнью кулаков и тружеников своего Зарайского уезда, Рязанской губ.

Прежде всего остановлюсь на слове „буржуй“.

Тов. Смердов говорит: слово „буржуй“ на деревенском языке — слово не только бранное, но и для многих позорное. Что в этом слове есть позорного для крестьянина, выстроившего новую избу и купившего вторую корову, лично

я, как крестьянин, не вижу и не понимаю. Ибо отлично сознаю, что крестьянин, немного пониже достатком, говорит это не в брань, как это кажется тов. Смердову, а просто ради шутки, ради смеха. Не всегда же надо быть серьезным и надутым, надо же когда-нибудь и посмеяться, хотя бы и над товарищем, вылезшим из землянки!

В самом деле, жил-жил человек при царском режиме в землянке и вдруг при советском строе обзавелся хорошей избушкой. Почему бы соседу и не брызгнуть со смеху, он, ведь, живой человек! А за эти последние годы мы, кажется, и о смехе-то забыли! Забыли даже о том, что он ничего, кроме пользы, для здоровья не принесет ни труженику, ни бедняку.

Дальше тов. Смердов говорит: „теперь мало-мальски мощным хозяевам нет никуда выхода. Вся злоба вымещается на них. У них и скотину побьют, и огород поломают, хлеб потопчут, овощи нарушат, скирды раскидают, а в праздники окна побьют и самого изобьют,—даже и защиты искать негде“.

Что это? Шутка, смех или слезы крокодила?

Мне кажется, в письме тов. Смердова есть что-то недоговоренное, недосказанное. Необходимо бы поэтому, что недосказано, досказать. Иначе это похоже на клевету против маломощного крестьянства.

В заключение тов. Смердов спрашивает: „можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом?“

Такой крестьянин, на мой личный взгляд, не буржуй, **если он является главой большой семьи.** Если же он малосемейный, то допустим, что он не буржуй, но близкий ему по духу друг-приятель.

Об арендаторе мельницы при таком же количестве скота и семьи скажу то же самое.

Что же касается вкрапленного в эту компанию бедняка, торгующего на гроши для того, чтоб не умереть с голода, то, мне кажется, попал он в эту компанию по случайному недоразумению. Ибо бедняк — бедняком и остается.

Беспартийный крестьянин **Иван Рогов.**

Станция Алпатьево,
Московско-Казанск. ж. д.,
дер. Барсуки.

Крестьянин И. М. Рогов.

Рогов, Иван Михайлович — родился в 1873 году в бедной крестьянской семье, в деревне Барсуки, Алпатьевской волости, Зарайского уезда, Рязанской губернии. 11 лет по желанию отца был отправлен в Петербург на заработки. Там переменил несколько должностей мелкого служащего. Временами навещал деревню и крестьянствовал. В свободное время занимался самообразованием, прочитал много произведений Л. Толстого, М. Горького и Чехова. Иногда писал в „Русской Газете.“ С 1916 г. по 1917 был в ополчении. В 1917 году вернулся в деревню и был избран председателем временного исполнительного комитета своей Алпатьевской волости. В мае того же года был избран на 1-й Всероссийский крестьянский съезд в Петрограде делегатом своего Зарайского уезда.

В первые дни октябрьской революции был членом ВЦИК 1, 2 и 3 созыва советов. В 1918 г. крестьянской секцией ВЦИК неоднократно командировался в разные губернии с целью агитации за советскую власть. ВЦИК неоднократно командировался в разные губернии с целью агитации за советскую власть. В 1919, 1920 и 1923 году был председателем волисполкома.

XI.

Правда, очень кстати поднять вопрос о кулаках, не потому, что я беспокоюсь за действительных тружеников. Когда их называют „буржуями“, в данном случае я вполне согласен с товарищем, который говорит по этому вопросу в № 1740 „Бедноты“, что кого это слово касается, к тому оно пристанет, а кто личным и честным трудом нажил лишних, против других, 2—3 скотины, к тому оно не пристанет.

К этому я хочу сообщить следующее. У нас в деревне на сельском собрании, пока оно еще не начиналось, читалась „Беднота“ № 1731, в котором тов. Смердов ставил вопрос о кулаках, которым очень заинтересовались слушающие.

После первого вопроса: можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4 коров, 2—3 лошади и приличный дом?

— Смотря, откуда он это взял,— были заключения слушающих.

Когда вопрос касался „честного“ мельника, то сказано:

— Ну, уж это извини, чтоб мельник был честный.

А о торговцах на гроши ответили:

— Если не кулак, то „спекулянт“.

Я бы с своей стороны посоветовал тов. Смердову, разбираясь в кулаках и тружениках, брать за основу высказанное мнение в „Бедноте“ № 1737 тов. Линькова (маленький торговец—маленький клопик, но из него может выйти большой клоп, а потом и паук), к мнению Линькова я всецело присоединяюсь. Но вот, не замечает ли тов. Смердов, что, по мере пробуждения сознания среди крестьянства, чаще стало беспокоить бывших трактирщиков, торговцев и прочих „тружеников“,— можно ли их считать кулаками в том случае, если они стали работать на „земле“?

Можно, я скажу. Хотя кулак у них революция и разжала, но они не прочь хоть пальцем—да зацепить, кого придется. Таким, по моему, не мешает напоминать о их происхождении. Особенно осторожно следует подходить к содружеству с ними. **Они нередко лезут в кооперативы. Тут смотри в оба!**

Есть и еще тип опасный, к сожалению, не из богатых в большинстве,— это „мазья“, выбивающие последние гроши у покупающего на базаре лошаденку или коровенку.

— Отца родного не пожалеет,— говорят про них.

К общественной работе эти люди недопустимы.

О кулаках „с разжатыми“ кулаками я намерен поговорить подробнее в следующем письме.

Крестьянин **И. Северов.**

Московск. губ., Подольск. у.,
Островской вол., д. Зябликово.

XII.

Я считаю, что вопрос о том, кого считать кулаком и кого — тружеником, должен быть освещен **со всех концов** нашей республики, так как **нельзя мерить по одной мерке.**

Я пишу из далекой **Киргизской Республики,** в пределах коей живут колонизаторы, русские, составляющие в некоторых уездах 50 процентов общего населения, преимущественно выходцев из Украины. Русское население является культуртрегером-земледельцем в этом суровом крае, с его климатическими и почвенными особенностями.

Прежде всего, по местным условиям, здесь о тракторах думать не приходится, так как почва, за небольшим исключением, пестрая, с промежутками солонцов, камня и песку, совершенно негодная для сплошной обработки. Требуется выбирать для обработки кулиги (клочки) удобной земли.

Во-вторых, земля очень слаба и малосильна, скоро стареет и делается негодной для обработки под посев хлебов, которые требуют новой земли, целины. Никакое удобрение здесь не поможет, так как нива, удобренная навозом, совершенно выгорает в нашем сухом климате.

Для обработки новых земель-целины требуются уже не 2—3 лошади, о которых говорится на страницах „Бедноты", а 3—4 пары хороших быков (волов), и кто не имеет их, тот не может быть хозяином, которого можно бы назвать середняком.

Для того, чтобы иметь 3—4 пары быков, необходимо иметь собственный приплод, а для этого нужно иметь несколько коров.

В-третьих, урожай наших киргизских степей не может равняться с урожаем черноземных губерний. Поэтому количество урожая должно пополняться за счет увеличения количества посева.

У нас средний засевщик довоенного времени засевал 40—60 десятин, а более зажиточный — 100 — 200 десятин. Бедняк — 5 — 10 дес.

Спрашивается, можно ли при таких услових рассуждать о кулаке по одной мерке, существующей в центральных малоземельных, но промышленных губерниях?

В нашей Киргизской республике никаких промыслов и посторонних заработков нет. Если крестьянин остался на 1 лошади, то ему грозит неминуемая гибель.

О местном киргизском населении, ведущем полукочевой, скотоводческий образ жизни, говорить об одной—двух лошадях тем более не приходится.

И вот, при таком положении вещей у нас начинают травить „кулаков“, имеющих 1—2 пары быков и 2—3 коров, а тем более, если имеет 3—4 пары быков, необходимых для ведения среднего хозяйства, не говоря уже о более образцово-культурном хозяйстве, которое могло бы послужить показательным примером для других.

Травля на людей, имевших мельничные предприятия заставили последних ликвидировать таковые. А кто же пострадал от этого? Конечно, крестьянская беднота, которой пришлось ездить на мельницу из своего поселка, где закрылась мельница, за сотни верст в другой поселок или город.

В. И. Мощенский.

№ 8 аул. Карахобдинск. вол.
Актюбинского уезда и губ.

От редакции. В чем выражалась „травля“, о которой пишет автор? И не сообщит ли он, что делалось на месте для того, чтобы организовать **общественным порядком** мельницу, вместо того, чтобы молиться на „благодетелей“, от которых жарче всего приходится как-раз бедноте?

XIII.

От редакции. В своей автобиографии автор указывает, что он—сын крестьянина, род. в 1897 г., с 1913 года поступил рабочим на жел. дор. Потом—на войне.

В данное время работает на жел. дороге в страхкассе, на праздники бывает в дер. Столбищах, где избран членом сельсовета. Письмо его печатается без всяких изменений.

Вращаясь одной ногой в производстве, другой в деревне, вот уже в продолжение 10 лет с перерывом (служил в старой армии и в Красной), получив прекрасный опыт в оценке каждого крестьянина односельца,—это объясняется тем, что революция и тактика большевиков воплотили меня ярым защитником советской власти и недаром за мою смелую борьбу сами крестьяне меня назвали „жгучим“ — а, стало быть, при таком вращении я много на практике при крестьянских сходах и выборах депутатов в совет получил с одной стороны отвращенность некоторых бедняков от почина всякой общественности и, мало того, пренебрежение самих бед-

няков к политике советской власти, а с другой — деловое практическое удовлетворение потребностей с инициативой общественности в руках средняцких слоев крестьянства... Но нельзя говорить наверняка, что вся беднота отвращена от советской власти... Нет, эта беднота, не приложив практического к усовершенствованию своего хозяйства—у нас деревне частично пошла на „промысел“ торговли мелочью, а стало быть, из бедняка выращивается довольно противный элемент, и поэтому, мы на перевыборах, руководствуясь практическим способом и конституцией, лишили права избранности 22-х человек.

В это число мы вкатили не только кулаков и торговцев, но и бедняков, которые взяли способ прожиточности на „торговле“. Но это все не исключает возможности сказать, что и среди лишенных есть люди, так же здорово хотели бы обновления деревни на новых началах.

Значит, судить и называть кулаком, кто имеет 3 — 4-х лошадей, да еще проявляющий что-либо общественное с пользой советской власти, пока надо еще отказаться.

Лучше надо ценить каждому местному советскому работнику крестьянина по его способностям и тактике **в общественности**, а подойдя близко с этим, мы этим самым найдем лучших работников для мест, а то были выборы и ты мол, Кузьма, бедный и садись управлять нами.

Так, следовательно, надо ощупывать и отделять кулацкий элемент путем пригодности каждого с весом, на сколько человек пропитан к любви не только к своему обществу, но и к государству.

В. Никитин.

Дер. Столбищи, Булатн. вол.,
Муромск. у., Владимирской губ.

XIV.

Среди писем о том, кто кулак и кто труженик, было помещено письмо сельского учителя тов. Смагина. Он в своем письме очень односторонен, в мрачных красках рисует жизненные факты деревенской жизни. Ему, как учительствующему семнадцать лет в селе Атмисе, Н.-Ломовского уезда, Пензенской губернии, пришлось наблюдать действия местного комитета бедноты, и эти действия вызывали у него взрыв возмущения.

Конечно, в семье не без урода, но я приведу пример про историю комитетов бедноты своего прежнего уезда и об отношении к ним зажиточного кулацкого крестьянства.

Не успели как следует организоваться комитеты бедноты по уезду, как взвыли кулаки. Посыпались жалобы

Посыпались жалобы в уезд.
Должен указать у нас в уезде большею частью
занималось крестьянство отхожим промыслом
Было много таких занимались подрядничест-
вом Некоторые в Москве имели до 100 человек
рабочих Преимущественно почти работала
Своя деревенская беднота потому, что для
них это было выгоднее. Зная под что
дать, - даст в перед денег рабочему тот и трет
лямку У подрядчика дом в Москве а
у рабочего дети жена разутые. Конечно
такия условия озлобляли. И в момент
революционного периода в деревне
Комитеты бедноты не давали пощады
облагали сколько следует. И кого следует.

В Горбачев
подписчик газеты КВ № 6162
Крестьянин Владимирской губернии
Киржачского уезда деревни Никифоро-
во Василий Горбачев
23 февраля 1924г
9 часов вечера.

в уезд. Должен указать, у нас в уезде большею частью занималось крестьянство отхожим промыслом. Было много таких,— занимались подрядчеством, некоторые в Москве имели до 100 человек рабочих. Преимущественно почти работала своя деревенская беднота, потому что для кулаков это было выгоднее. Зная, под что дать,— даст вперед денег рабочему, тот и трет лямку. У подрядчика дом в Москве,

а у рабочего дети, жена разутые. Конечно, такие условия озлобляли. И в момент революционного периода в деревне комитеты бедноты не давали пощады, облагали сколько следует и кого следует.

Крестьянин **В. Горбачев.**

Владимирской губ., Киржачского у., дер. Никифорово.

XV.

Мне казалось бы, тут лишь надо говорить о крестьянине-**труженике:** здесь не должно быть ограничений в его скоте и постройках, и глуп бы тот был, что завидовал этому: это люди показывают другим, как надо в деревне жить, но, понятно, **если они живут своим трудом.**

Но что касается мельников, торговцев и тому подобных, то тут надо определенно сказать:

— Пользуйтесь моментом на темноте крестьянства, но придет время, мы свои общественные такие заведения откроем.

Крестьянин **И. С. Коняев.**

Андреевско-Воронц. п. отд., Владимирск. г., дер. Спирино.

Крестьянин И. С. Коняев.

Коняев, Иван Степанович, крестьянин Владимирской губ. и уезда, Воронцовской волости, дер. Спирино.

До 1916 года все время занимался сельским хозяйством. В 1916 году был взят на военную службу. Служить попал в гвардейский полк в Красное Село. Не кончив обучения, заболел. По выходе из больницы стал ходатайствовать об отправке на фронт. В окопах пришлось много испытать за измену Керенскому в июньском наступлении.

Демобилизовался в 1918 г. В октябре добровольцем вступил

в Красную армию. Был назначен в Воронеже в запасный полк и прослужил там до 1921 г.

Первое время по возвращении в деревню занимался восстановлением своего хозяйства. С 1923 года ведет общественную работу. Состоит в своей деревне председателем сельсовета. Заведует организованным им клубом-театром. Много стараний прилагает к улучшению землепользования своей деревни.

XVI.

Откуда, из каких недр появилась поговорка „кулак“ на страницах печати? 2 лошади, 3—4 коровы, приличная крестьянская „изба“, „домик“, ветряная мельница и так далее, необходимое, как пища, для крестьянской жизни, это народило позорную ругань для труженика? или же что другое, а не имущественное положение?

Позорная ругань существовала давно, даже до времен советской власти, только другими словами выражались и другие люди.

При малейшем столкновении бедняка с богачем мы слышали:

— Эх, ты, бобыль, голь несчастная! Куплю и продам со всей семьей — и так далее.

Но 1917 год, Октябрьская революция, дал возможность честному труженику, любящему свою рабоче-крестьянскую власть, бедняку и середняку повернуть эту поговорку туда, куда следует, **на кулака и буржуя, а они в деревне есть и до настоящего времени, в этом нет ни малейшего сомнения.**

Буржуй, кулак,— не место им в нашей семье, прочь! Не мешай строить нам жизнь по-новому. Убери свое ядовитое жало, не оплакивай хороших старых порядков, они для кулака хороши. Мы их знаем и пережили на собственной спине.

И если бы определять кулака по скоту, по имущественному положению, то мы в этом ошибемся, потому что ни одно государство в мире не поставило перед собой таких задач, какие поставила перед собой советская власть для облегчения и улучшения крестьянской жизни, **чтобы каждый крестьянин жил в человеческих условиях, как подобает жить человеку, а не вековому рабу.**

Приобретение в хозяйстве лишней головы скота, приличный домик, машина,— это не окулачивает деревню, а, наоборот, облагораживает и улучшает темную, тяжелую жизнь крестьянина, и советская власть всеми силами старается помочь крестьянству в таком строительстве, чем только может и в силах: агрономической наукой, семенной ссудой для расширения площади посева, кредитом при отпуске машин и орудий, отпуском леса, и так далее. Таким образом, крестьянство, улучшающее жизнь деревни,— не кулаки, а труженики свободной страны, царства труда.

Отличить кулака от труженика, по моему соображению, очень легко, если только применим старую пословицу „шила в мешке не утаишь“, ибо, как ни прячь шило в мешок, все-же лезвие выйдет наружу. Так и кулак, сколько ни прикрывается тружеником, но время-от-времени и выявит свою „физиономию“ кулацкую.

Возьмем хотя бы недалекое прожитое, революционное. В 1917 году как будто вся деревня, все крестьянство воедино бросились на помещиков одной семьей, но не с одной мыслью. Кулаки мечтали за счет отобранных земель расширить **свое** хозяйство, но эта их замашка не удалась.

В 1919—1920 годы, когда советская власть была окружена белогвардейцами, в дни мобилизации в Красную армию, кулаки опять себя выявили наружу.

Чем же? А вот чем.

— Эх, большевики говорили „мир, долой войну“, а сейчас сами ее затеяли. Мобилизуют для того, чтобы убивать своих. Не нужно итти, не все ли равно, кто будет управлять государством.

А в настоящее, более благоприятное время советской власти, то же самое мы можем наблюдать и видим на сельских собраниях. **В кулаке открытой души не увидишь, как это бывает в бедняке-середняке. Наболело, всю боль и вылил наружу, открыто, без всякого, на собрании. А кулак, притаив свое дыхание, постаивает, временами пошептывает на ухо другому:**

— Ишь, как хорошо поют. У нас последнее берут, нам— ничего. Вот так крестьянская власть, только давай.

Наструнив бедноту, улыбается, поглаживая темь,—„покричите, поругайтесь, станете враги друг другу, дела не сделаете, останетесь недовольны на свои порядки и на власть“.

Дальше товарищество кооперации собралось обсудить вопрос, как бы лучше построить сельскую кооперацию для борьбы с частным рынком, частным капиталом его. И тут хороший совет:

— На что эта кооперация, когда на частном рынке все дешевле купишь? На несчастные фунты кооперацию не построишь.

А сам этим временем обмозговывает, как бы привезти тот товар, в котором нуждается население, и в вопросе, который обсуждается на собрании, чтобы на нем нажиться как следует, продав втридорога, и прикрыться тем, что я торгую для подспорья, улучшения сельского хозяйства, а ничуть не торговец.

А как называть того мельника ветряной мельницы, который с крестьян скубет; от налогов старается под разными предлогами отделаться и выглядывает, пока к нему придет **власть** брать; „а сам не повезу: своим добром набиваться...“ Такой мельник — кулак.

Каждая отрыжка к старому, якобы хорошему, и каждое, с ядом преподносимое порицание рабоче-крестьянской власти есть кулацкая замашка, и таких тружеников с их старыми отрыжками будем называть буржуями, кулаками, и в этом будет правильное для них название.

Много можно привести примеров из нашей крестьянской жизни деревни, кто кулак, но каждый из нас — житель деревни и все это известно и переживается на глазах у каждого.

Не тот кулак, кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны приобретением лишней головы скота и тому подобное, а кулак тот, кто и до настоящего времени не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, шипя из-за угла на власть и оплакивая сладкие николаевские булки, которым нет возврата.

Крестьянин **И. Рябой**.

С. Спиридонова-Буда, Новозыбковск. у., Гом. губ.

Крестьянин И. И. Рябой.

Иван Иванович Рябой родился в 1889 г. в семье крестьянина-середняка в селе Спиридоновой-Буде, Новозыбковского уезда, Черниговской (теперь Гомельской) губ.

Окончив Спиридоно-Будскую приходскую школу, Рябой 12 лет стал самостоятельно вести хозяйство отца, пока тот не вернулся с отхожего заработка. С его возвращением И. Рябой, в силу тяжелых материальных условий, поступил батраком в имение помещика Розенбах, а потом уехал в горные копи Южно-Русского, Верхне-Днепровского товарищества — стал забойщиком в шахтах. Здесь работал он до призыва в армию.

Февральская революция застала т. Рябого в местечке Волочиске, на фронте. 9-я армия делегировала его на съезд Проскуровского уездного совета.

После октябрьской революции Рябой вернулся на родину. Гомельская губ. в 1918 году занята была германо-гайдамацкими властями. Начались преследования, семья Рябого неоднократно подвергалась обыскам и арестам.

Сам Рябой вступил в ряды Красной армии. Вернувшись в 1921 г. домой, Рябой принялся снова крестьянствовать. Октябрьская революция прирезала его семье земли, что дало возможность улучшить хозяйство. В то же время Рябой занят и общественной работой, сначала в пределах волости, а потом избирается во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. С 1923 г. он становится кандидатом партии.

Каждая отрыжка к старому хорошему и каждая порезания рабоче-крестьянской власти есть кулацкая замашка и таких трусишками с их старыми отрыжками будим называть буржуями кулаками и в этом будит правильная для них названия

Много можно привести примеров с нашей крестьянской жизни деревни, кто кулак, но каждый из нас житель деревни и все это известно и переживается на глазах в каждого.

Не тот кулак кто честно трудится и улучшает хозяйства для восстановление разрушенной страны приобретением лишней головы скота и т. п. а кулак тот, кто и до настоящего время не может примирится с рабоче-крестьянским правительством шипя из закула на власть и оплакивает сладкие николаевские були которым нет возврата:-

17/II 24 г. И. [illegible]

XVII.

Кого считать кулаком и кого тружеником — занимает многие головы. Чинами „буржуй“ или „кулак“ у нас величают мало-мальски оперившегося человека, несмотря на его прошлое, что он жил всю свою жизнь, молодость, наемным рабочим в каменщиках, штукатуром, на маслобойном заводе или мельницы.

Тов. Рогов со ст. Алпатьево пишет, „что крестьянин немного пониже достатком просто называет своего соседа буржуем в шутку. Я полагаю, что шутку во всяком случае каждый понимает“.

Тов. Рогову, вероятно, не приходилось наблюдать, что даже и местные представители власти называют кулацким элементом имеюшего 5—3 лошадей и приличный дом, несмотря на его прошлое рабочее или батрацкое происхождение.

Ведь, на кой же тогда крики агрономии о переходе на многополье, поднятии сельского хозяйства? Перейдешь на многополье, заведешь лишнюю скотину, починишь хатенку, поставишь в ней стул, кровать, и вместо того, что теперь спим с ягнятами и теленком вместе на полу, перейдешь спать на кровать, сделаешь теплое помещение для коровы, справишь хорошую сбрую, заведешь четырехногих пару лошадей и телегу на железном ходу—и вдруг „кулак“, „буржуй“. **Такой вопрос нужно разрешить в официальном порядке.**

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего 2-4 лошади и 2—3 коров и приличный дом?

По-моему, нет, **если это крестьянин сам со своею семьей обрабатывает землю и ухаживает за скотом, даже не то что 2—3-х, пусть даже разведет 10 коров при собственном уходе.** Ведь, не от одной же коровы волоколамские крестьяне Московской губ. отправляют молочные продукты в Москву.

А что касается дома, то что мы живем? Спим на полу вместе с молодым скотом. У нас дома на половину дом, на половину хлев. Нужно каждому добиться хорошего скота, приличного дома, отделить себя от скота, вот тогда будет настоящая жизнь.

2. Можно ли считать кулаком-буржуем арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

Если арендатор мельницы **сам обслуживает со своей семьей** мельницу, как это в большинстве бывает в деревне, то тоже кулаком считать не следует. Ведь это тоже, что какое-либо прикладное занятие. Иной портной зарабатывает больше, чем этот мельник. Такого мельника считать кулаком не следует.

Что касается „бедного человека" торговца, то я скажу что кто собирался у нас с голоду помирать, тот никто не начал торговать, **а если у него есть торговый опыт и знания, то пусть он свои знания принесет на алтарь кооперации.** Другое дело, если человек без ноги или руки (инвалид); **торговец, хоть и маленький, а все-таки он элемент нежелательный.**

Кулак и буржуй тот, кто живет на нетрудовой доход.

П. А. Горшенев.

Село Малые-Алабухи, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии.

XVIII.

Тов. Смердов впадает в преувеличение о злобе, вкладываемой деревней в слово „буржуй". Злоба в этом слове у деревни тогда, когда его надо подсолить покрепче, когда оно обращено по адресу, не в бровь, а в глаз попадает. А в большинстве в этом слове добродушие, даже поощрительное: Есть 3 коровы, наживай четвертую,—так в нашей местности „буржуй"...

Не встречал я еще, гр. Смердов, чтобы вся деревня, а иногда их несколько деревень числится в сельсовете, была сплошь из головотяпов и вышвырнула из собрания середняка, приняв его за кулака-буржуя, и не слыхивали, чтоб такое умопомрачение находило.

Деревне надоели кулаки и теперь деревня внимательно, чутко до болезненности, следить за ростками кулачества, пристально вглядывается в душу, в сердце, в разум начинающего подниматься крестьянина или торгаша. Найдя этот росток, деревня реагирует на него по-своему, по-мужицки, стараясь вырвать. Называет, вливая злобу в слово буржуй, деревня не середняка и даже богача, а того, у кого в душе, в сознании есть зачатки желания стать кулаком, пусть он середняк и ниже середняка даже.

Не богатство, а его душу называют кулаком, если она у него кулацкая. Если его сейчас подвести под защиту — ошибка: дать время и возможность— он будет кулак, да еще какой! Деревня в этом выявляет свою безошибочную прозорливость, а труженика она ни кулаком, ни буржуем не обругает, а кулака пропечет и из собрания выставит.

Вот примеры: в моей деревне В. Кузмин, у него 3 лошади, 1 жеребенок, 7 коров, 2 телки, 10 штук овец, два борова, пятистенный кирпичный дом на манер городского, хлеба всегда небольшой излишек. Семья из 8 чел., 4 полных работника. Кулак? Буржуй? Ничего подобного. Никто никогда не называл его так, потому, что он труженик и нажил все трудом, честно, у всех на глазах. Ему даже не завидуют,—его все уважают и вот за что: не хватает у бедняка весной до нового урожая хлеба, он дает и **процентов не возьмет, и работать не заставит. Ему никто никогда из посторонних не работал ничего.** Все сам своей семьей. Наоборот, он и его дети всегда первые идут помогать бесплатно другим и с лошадьми,—и труженикам, и лодырям. Никто вперед его на горе с помощью не откликнется. За то, что он отзывчив на помощь, его никто не зовет кулаком.

Рядом с ним живет И. Родионов. У него 2 лошади, 2 коровы, 3 овцы, 1 поросенок, семья из 5 человек, все трудоспособные. Середняк, не правда ли? А его все не любят. Ругают за живодерские, кулацкие замашки—всяко. Деревня разглядела в нем будущего кулака, так как **он приписал**

мертвые души к своему семейству, чтобы получить лишних 12 десятин земли. Сделал это у всех на глазах; махнули рукой—ладно. Забрал себе какими-то путями самую лучшую землю, деревня препятствовала—бесполезно. **Он и полосу чужую выносит, он и траву во время покоса своими лошадьми у соседа стравит и так далее. Он и продналог не хочет платить,** а у Кузьмина всегда уплачено из первых.

Ну, как тут не ругнуть крестьянину с прибавлением матери!—невозможно: святых и ангелов ведь теперь нет.

На первый вопрос я ответил гражданину Смердову, на второй скажу

Арендатора мельницы, ведущего дело честно, по советским законам, ругать буржуем нельзя, но надо крепко помнить, что все бывшие кулаки вели свое дело честно и по царским законам, даже по божеским, **а были кулаками.**

Признак в данное время такой: если этого арендатора крестьяне, особенно молодежь, ругают кулаком, а в ругани их ни тени добродушия, то не только можно, а должно.

На третий вопрос (о торговцах) ответить легко: раз он остановился на торговле, чтоб не умереть с голода, лучше бы он уж помер с голоду, так как он на чужом трупе начинает основывать свое право жить, а в тумане неизвестности его дальнейшего существования виден призрак паразита, но покуда он еще малюсенький, чуть видный для невооруженного глаза червячок-паразит, имеющий явное желание разрастись в громадного удава, то и спрашивать нечего,—обязательно надо считать кулаком. Ведь известно, что некоторые миллионеры (не в советских знаках) начинали торговлю с копейки.

В заключение скажу: все равно, беднота деревни и середняки—кулаков будут ругать, ну, а на счет ошибок,—их не будет: эпитет кулака-буржуя деревня адресует метко.

Крестьянин **Д. Любославский.**

Новгородская губ., Валдайский уезд,
Домкинская вол., поч. отд. Фирово,
Октябрской ж. д.

От Редакции.

То ли хочет автор сказать, что „честно исполняя царские законы“ прежние предприниматели **уже этим самым**

закабаляли других, потому, что и законы-то самые были в пользу предпринимателей, а не рабочих, не тружеников? Очевидно, **это** хочет сказать автор, раз он говорит, что прежние арендаторы со всей их „честностью",—„**а были кулаки**"! Но в таком случае, почему он так ласков к **нынешним** мельникам? Разумеется, советские законы по охране труда не позволяют закабалять рабочих, как раньше, и уже одно исполнение этих законов гарантирует рабочих от прежней жестокой эксплоатации. Но **прибыли** все же попадают к мельнику! Но от доходов мельник все же **богатеть может**! За чей карман?—Крестьянский! А при **кооперативной, общественной** мельнице—так-ли обстояло бы дело? Что думает на этот счет автор?

XIX

Как крестьянин, достаточно знакомый со взаимоотношениями различных слоев деревни, я никак не могу поверить тов. Смердову, что к мало-мальски мощным, честным труженикам в его селе относятся также враждебно, как и к настоящим кулакам.

В своей деревне всякий крестьянин очень хорошо знает, кто как нажил состояние: своим ли трудом или чужим и никогда бедняк свою злобу на честном труженике вымещать не станет.

Некоторых, имеющих 2—3 лошади, 2—3 коров и приличный дом—можно не считать кулаками, но некоторых придется называть этим именем. Если в хозяйстве имеется 6—9 чел. семьи, то для него 2—3 лошади необходимы, но для семьи в 3—4 человека этого не требуется, и такие хозяйства в большинстве являются уже кулацкими.

Но суть дела здесь не в скоте и семье.

Теперь у многих дореволюционных кулаков, имевших по 4—6 лошадей и коров, по 70—100 овец, осталось по 1 лошади и 1 корове, но все-же принимать их в число честных тружеников еще рано. Все кулаки в первые годы революции ходили в дырявых кафтанах и плакались, что нужда их заставляет продавать последний скот, но теперь по три-

то лошади и три коровы в большинстве, появляются опять у них. Стоит только внимательнее присмотреться к росту деревенского кулачества, вызванного нэпом, и вы увидите, что здесь девять десятых воскресают старые кулаки.

Дальше, в № 1745 „Бедноты“ тов. Смагин решительно высказывается, что всякий имеющий 2—3 лошадей—не кулак, а трудовик „потовик“. Он рассказывает о каком-то дяде Митрие, который хотя и имел работника, но и сам „спина со спиной“ с последним ехал в поле, и в заключение говорит, что кулаком нужно считать только того, кто живет **исключительно** чужим трудом.

Что-же? Выходит, что кулаком будет только такой землевладелец, который имел бы приказчиков, надсмотрщиков и рабочих, а сам охотой занимался, да катался по городам. Если **так** рассуждать, то конечно, никаких кулаков в деревне мы по всей России не найдем.

Тов. Смагин опирается еще на то, что каждое хозяйство должно иметь 2—3 лошади, а потому, мол, „с этими словцами (буржуй, кулак)“ в наших захолустных углах борьбу отчаянную повести надо.

Да, советская власть очень хочет поднять каждое хозяйство до такого уровня, но хочет, **чтобы это делалось за счет новых форм землепользования, новых форм полеводства, за счет усовершенствованных орудий и лучшей обработки земли**, и такие хозяйства кулацкими считаться не будут.

Но если это поднятие будет производиться **за счет земли бедняков и наемных пахарей, жнецов и косцов,** то пожалуй, придется вести усиленную борьбу не со словцами, а вот с людьми, поднимающими так свое хозяйство—с кулаками.

И вот если дядя Митрий поднял свое хозяйство и ведет его в духе советской власти, то пусть он хоть 4 лошадей имеет—кулаком называть его не следует.

Очень хорошо было бы тов. Смагин, если бы бедняки поднялись до уровня крестьян, имеющих сейчас по 2—3 лошади, а последние остались при таком же положении, но нужно иметь в виду и то, что как бы не получилось и так: бедняки останутся бедняками, а те, кто имеет по две лошади, будут иметь их по 4—6. И последнее полу-

чится обязательно, если только мы признаем, что никаких кулаков у нас нет и никакой борьбы с ними вести не нужно.

Относительно торговцев скажу следующее:

Если крестьянин-бедняк торгует рассыпным табаком по 3—5 чашек в день или семячками по 2 фунта, то кулаком его называть никому и в голову не придет. Но если зажиточный, мощный крестьянин закупает по несколько пудов шерсти и путем найма перерабатывает ее в пряжу, а затем сбывает в город, то из такого торговца скоро может получиться кулак.

Крестьянин **Г. Галкин.**

С. Саконы, Александровской вол.,
Чистопольского кантона
Татреспублики.

XX.

Часто можно слышать в деревне, а еще больше в городе, слово „буржуй-кулак," относящееся к зажиточному крестьянину, имеющему 2—3 лошади, 3—4 коровы и образцовое, хорошо заправленное хозяйство, который, как земляной червь, работает, не покладая рук, не зная ни отдыха, ни покоя, и почти весь смысл своей жизни находит в этой работе.

И этот труженик — образцово-показательный экземпляр исправного крестьянина — должен нести презренное имя кулака и буржуя, что является незаслуженной обидой и становит, в конце-концов, его в оппозицию советской власти.

Мне кажется, такой взгляд совершенно ошибочный, и тот,— кто так смотрит на это, противоречит самому себе.

Если крестьянин, благодаря своей, быть может, железной силе воли и энергии, своей ненасытной жажде труда, сумел поставить на должную высоту свое хозяйство, то это вполне здоровое проявление, и таким крестьянином можно только гордиться, а не закидывать его грязью отживших времен.

Пускай он построит себе дом хотя в 20 этажей, держит 15 коров и 10 лошадей, **но если он своими собственными руками, не эксплоатируя чужого труда,** создал это богатство, то честь и слава такому мужику так же, как и другому видному деятелю, работающему по другой отрасли: художнику, давшему обществу часть своих лучших произведений, поли-

тическому деятелю, поработавшему для народа, и другим, работающим на своем поле деятельности, как и крестьянин, который также, улучшая свое хозяйство, приносит государству плюс, а не минус.

Ведь путь к коммунизму, коллективизму лежит через государственный капитализм, а, следовательно, среднее и более зажиточное крестьянство скорей подойдет к этому, так как крестьянское производство, как и всякое производство, неизменно прогрессирует, идет вперед, при чем современные примитивные способы этого производства постепенно отмирают и заменяются новыми, что при нашем малоземельи быстро ведет к коллективизму.

Например, молотилка, жнейка уже вносят коллективную работу в среду крестьянства, а эти сел.-хоз. машины покупаются только более состоятельными крестьянами, бедняк же на них и не смотрит. Ему нет дела до этих нововведений, почему он и бедняк, так как много в деревне есть таких бедняков, которые совсем не заслуживают, не оправдывают тех надежд, которые подчас возлагаются на них. (Я не говорю, конечно, о семьях красноармейцев и других, не имеющих в доме рабочих рук, а говорю о тех, которые, в силу своего тунеядства и лености, были и вечно будут нищими, отребьями человеческого общества).

Ефрем Смердов.

Д. Варзичи, Даровской вол., Котельнического у., Вятской губ. Член РКП чл. б. № 178115.

От редакции.

Разумеется, чтобы итти к коммунистическому хозяйству, нам нужна машинная техника, не только не уступающая всем достижениям капиталистической техники, но даже превосходящая ее. В этом тов. Смердов прав. Но не объяснит ли нам тов. Смердов на примере, **каким образом молотилка, приобретенная зажиточным крестьянином, превращается в средство коллективизации сельского хозяйства?** Очень хорошо, конечно, если крестьянин (на плоды **собственного труда** только в своем личном хозяйстве!) дойдет до возможности едино-

личного приобретения сложной и дорогой машины. Ну, а что посоветует делать тов. Смердов всем тем (вовсе не по лени бедным), которые лишены этой возможности?

И еще один вопрос: непонятно, почему тов. Смердов сравнивает крестьянина, владельца хороших и дорогих машин, с общественным деятелем, отдающим свои лучшие произведения для народа?

Или он говорит о **кооперированных группах** зажиточных крестьян? Почему в таком случае беднота остается вне кооператива и в чем выражаются „общественные“ подвиги и служба этих кооперативов?

XXI.

Прежде, чем отнести человека к той или иной категории, нужно подлинно узнать его жизнь и принимать во внимание местность.

В некоторых, далеких уголках нашего СССР иметь две лошади — является необходимостью для того, чтобы вести хозяйство простому рядовому крестьянину. А в некоторых, наоборот, — хозяйство вести возможно и на одной лошади.

Иметь две коровы? Предельной нормы нет, чтобы обязательно иметь только одну корову. Главным образом, это зависит от заинтересованности каждого домохозяина в уходе за скотом. У другого и средства найдутся на приобретение лишней головы, но он не желает, а пускает свои средства в другую сторону. Отсюда ясно видно, что он не заинтересован.

Иметь приличный дом не запрещается, наоборот, наша рабоче-крестьянская власть стремится к всевозможным улучшениям и в области сельского строительства. Рассматривая жизнь домохозяина, мы ясно себе представим, каким путем все это приобретено. Если он только приобрел после нескольких лет упорного труда на земле от сельского хозяйства то таких не только обличать какими-либо неприличными словами, как например, буржуй или кулак, но мы все должны учиться у таких и питать к ним уважение за их труд и усердие.

Но, если мы увидим, что приличный дом достался ему по наследству от отца или деда, которые раньше эксплоати-

ровали чужой труд, а также оставили и хорошо обставленное хозяйство живым и мертвым инвентарем, настоящий же владелец жил в городе, в полиции, стражником, занимался торговлей или же другим каким способом обогащался за счет чужих трудов, — то дело другое.

На вопрос, можно ли считать буржуем или кулаком арендатора мельницы, если он дело ведет честно и по советским законам, сразу ответить нельзя.

Правда, каждый мельник выполняет советские законы, платит налоги промысловые и другие, но ведь он, кажется, берет с нас за помол 4 фунта с пуда, и такими фунтами оправдывает все налоги и оставляет изрядное количество себе за свою работу.

Но разница между ними очень громадна. Это объясняется тем, что некоторые берут 4 фунта, другие 3 фун. и берут 2 фунта. Они тоже выполняют советские законы. Но мы не знаем, не установя того, у которого из них год от году остается больше лишних мужицких фунтов, — почему на этот вопрос определенно ответить трудно. Но все-таки, по моему мнению, их вполне возможно приравнять к кулакам, потому что все они стремятся только к личной выгоде и, **вместо того, чтобы право арендовать ту или иную мельницу досталось всей деревне, они, зная, какую выгоду приносит мельничный промысел, запугивают всех неорганизованностью и слишком дорогой арендой**. Сами же кладут все усилия к тому, чтобы быть единоличным владельцем или арендатором.

Крестьянин **Федор Козлов**.

Село Закомелье, Гавриловской вол., Суздальского уезда, Владимирской губ.

XXII.

Буржуй, кулак ли — арендатор мельницы, если он поступает согласно советским законам?

Вместо ответа можно поставить вопрос:

Буржуй ли, кулак ли—нэпман, если он поступает согласно советским законам?

Тов. Смердов! Да как же он будет поступать в советской стране, как не по советским законам?

Разве можно, допустим, в буржуазной Франции поступать по нашим пролетарским законам, а в пролетарском государстве по законам монархическим или буржуазным?

Понятно ребенку, что, будь он арендатором не только мельницы, но и всей промышленности, так он должен поступать по законам, которые предъявляет то государство, у которого он арендует,—в данном случае советское.

Разумеется, арендаторов предприятий нельзя отнести к труженикам,—за исключением разве тех, которые арендуют захудалые предприятия, где являются и техниками, и механиками, и вообще **сами** обслуживают арендуемое предприятие.

Крестьянин **А. Галеман.**

С. Карповичи, Семеновской вол., Новозыбковского уезда, Гомельской губ.

XXIII.

Встречая на страницах „Бедноты“ статьи по вопросу „Кого считать кулаком и кого тружеником“, я хочу обратить внимание на историю нашего поселка Малаковщины на Украине.

В настоящее время жители поселка как-то механически разбиты на две группы.

Одна группа—это члены комнезама и их сторонники—незаможное селянство.

Другая группа: бывшие землевладельцы, они же и предприниматели кустарного производства. Вплоть до самого 1922 г. первая группа — незаможники, как безземельная и малоземельная, была в зависимости от второй, как работодателей и предпринимателей. У них была земля, которую всю отдавали исполу безземельному крестьянину. Последний получал от тех же хозяев и работу кустарного производства.

Так вот и жили все в одном поселке. Одни обрабатывали землю, другие отдавали ее за половину.

Благодаря революции, жизнь поселка изменилась. „Мирная“ поселковая семья загудела, как пчелы, разошлись два лагеря. От одних земля (излишки) отнимается и оставляется по полторы десятины на едока. Другим наделяется по три четверти десятины на едока (вдвое меньше).

Часть крестьян с первого же года увидела, что нужно переходить на многополье. Выделилась сначала группа незаможников в количестве 14 семейств, общим количеством 59 душ, и коллективно взяли отруб. Остальные же остались при старой трехполке и с большим негодованием к коллективу.

На-днях приезжал агроном и посоветовал остальным гражданам перейти к четырехполью. Выделилась еще группа—одна треть оставшихся, с согласием на 4-полку, а остальные опять категорически запротестовали на общем сходе, не хотят и этого: сыплют проклятия выделившейся коллективной группе, комнезаму и агроному.

Кто же это остальные?

Это бывшие землевладельцы, торговцы и промышленники. Им приходится теперь работать на оставленных им участках, по полторы десятины на едока. Они теперь заявляют, что **они уже не кулаки, потому их раскулачили, они такие же граждане**. Но они ненавидят трудовое крестьянство. Забыть то, как у них их „собственную“ урезали, они никак не могут.

Будут ли такие честными тружениками?

Член комнезама **И. Сенин.**

Украина, поселок Малаковщина, Летичевского района, Проскуровского округа.

XXIV.

В № 1744 „Бедноты“ было помещено письмо Н. И. Козлова. Он писал, что нельзя считать кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело „честно и по советским законам“ и мельницу содержит в полном порядке. „А то у нас был случай,—писал Козлов,—с мельницей при дер. Спешиловка: работали-работали на ней разные советские учреждения и доработали, что плотину прорвало и постройки наполовину разрушились“... „Но нашелся арендатор, восстановил плотину, исправил постройки, произвел улучшения, и мельница (после года бездействия) заработала полным ходом“... А торговцев корить буржуями нельзя,—писал Козлов,—пока не внедрилась в деревне государственная торговля...

По поводу этого письма Козлова поступило из той же местности письмо от т. Базарникова, которое мы здесь и помещаем.

Прихожу как-то в Криворезово на собрание к Василию Ивановичу, у которого крестьяне по зимним вечерам собираются побеседовать и почитать газету „Бедноту.“

Мне первым долгом задают вопрос:

— Читал-ли письмо Козлова?

Отвечаю, что читал и был удивлен, что Козлов так обижен словом „буржуй“.

Должно быть, ему обидно, что местные комсомольцы не могут забыть голодных годов, когда при обыске у Козлова находилось по 75 п. первачу, в то время как вся беднота питалась одной березовой корой.

— Подумаешь, какой труженик! — удивленно отвечает Григорий Сафронов.

Не мешало бы навести справку о всех этих тружениках-крестьянах, которым страшно больно слушать слово „буржуй“. Не все ли они одного поля ягода с нашим Козловым?

Кого стал расхваливать! Арендаторов, мельников,—этих деспотов!

Разве на Спешиловке мельница хуже крупорушки! А Городищенская мельница — чем же лучше, разве тем, что бичайка расходится и пропадает у людей по пуду муки?!

Видно, правда, что „кулак кулака хвалит издалека.“ Тут все подтвердили, что Козлова нельзя назвать тружеником, а настоящим кулаком-мироедом.

И правда, ведь Козлов разбогател не от земледелия! Когда в 1921 году в Пушкино была послана комиссия по выяснению скрытой земли от уплаты продналога, то у Козлова оказалось: около 20 дес. земли — сплошной облог. А ведь жил он раньше и все время, при советской власти, умеет жить по „законам“, ему одному известным, лучше любого помещика!

Относительно торговли—мое личное мнение, что человек не кулацкого типа не станет наживаться на частной торговле, дожидаясь того времени, когда,—как пишет Козлов,—правительство настроит достаточно государственных коопе-

ративов, а личной агитацией и примером он будет стараться повлиять на местное население—внедрять им пользу кооператива. А что **вы** делаете?

Крестьянин **Михаил Базарников.**

Ст. Средняя, Сызр.-Вяз. ж. д.,
Калужской губ.

XXV.

Мне, как жителю Вятской губ. и вместе с тем вращающемуся среди крестьянских масс, приходилось и приходится еще в настоящее время наблюдать, отчего в деревне люди становятся зажиточными.

— Можно-ли,—спрашивает тóв. Смердов,—считать кулаком арендатора мельницы, если он хорошо и честно ведет дело по советским законам?

По вопросу об арендаторе мельницы я хочу сказать, что этого гражданина можно назвать кулаком, так как он мельницу, построенную руками наемных рабочих, эксплоатирует, то-есть извлекает из нее пользу. Тем самым через горнило труда, вложенного рабочими в эту мельницу, он, производя размол зерна, берет более того, что затрачивает за аренду мельницы, патентный и уравнительный сборы, оплату своего труда, ремонт и прочие расходы, и вдобавок берет на изношенность. А, кроме того, одна из основ роста капитала, это—прибыль на тот капитал, который вложен в мельницу. Здесь, конечно, картина для всех становится ясной, что арендатор мельницы является эксплоататором чужого труда: пусть он даже сам производит присмотр и уход за мельницей, пусть во время ее действия работает сам без найма, но все же он эксплоататор, использующий вложенный ранее труд рабочих, создавших механизм двигателя этой мельницы, который приводится в движение силой пара или силой природы, а поэтому, на мой взгляд, это есть истинный деревенский кулак, который живет в большей своей части за счет других и много роскошнее другого труженика.

Наша основная задача—изжить частного посредника в производстве и торговле.

Все производство, а в данном случае мельница, должны быть артельными или передаваться той же кооперации, которая не в далеком будущем сыграет громадную роль,— и все индивидуалистическое должно уйти со сцены в область предания, тогда и не будет применяема кличка; „кулак“, „буржуй“.

Крестьянин **А. Возжеников**.

Дер. Шаньги, Сунской вол.,
Слободского у., Вятской губ.

XXVI.

Читая горячие обсуждения на тему „кого считать кулалаком, кого тружеником“, я тоже не могу остаться безучастным в этих обсуждениях и с своей стороны хочу сказать то, что у нас в деревнях нередко случается, что кулаком называют крестьянина-ремесленника (возьмем, к примеру, плотника).

Это такой же, как и все, крестьянин, летом работающий на земле в хозяйстве, а так как зимой делать в крестьянстве нечего, без него управятся, то он подыскивает себе тоже несколько товарищей плотников, и уже собираются целой артелью (он как бы является ее организатором) и идут на заработки в другие деревни, уезды и так далее.

Вот ихний организатор и является подрядчиком этой артели, то-есть он от имени всей артели берет всевозможные заказы на постройку дома, сарая и так далее. Он как бы является выборным от этой артели. **От остальных он также ничем не отличается, работает наравне с ними и только получает немного побольше других, как бы за то, что он подыскивает всевозможные заказы в свободное от работ время.** Значит, мы видим, что он со стороны артели никакими преимуществами не пользуется, а получает столько, сколько заработает. То же получается и в других артелях, как-то пильщиков, овчинников и других.

И вот, когда эти подрядчики возвращаются домой в крестьянство (это бывает весной), обзаводятся лишней коровенкой, то на него смотрят уже, как на кулака. „Он—говорят,— свою артель имел“.

Если мы к таким людям будем относиться, как к кулачеству, то вряд-ли будет кому интересно организовывать артель, что, конечно, всего хуже отзовется на крестьянстве. А если и будет артель—две, то уже они, не боясь никакой конкуренции со стороны других артелей, будут драть втридорога, и, наконец, крестьянам придется ждать, когда они придут к нему в очередь.

Итак, я предлагаю, не только всех ремесленников-крестьян не считать кулаками, а не считать их руководителей-подрядчиков, старших и тому подобное, так как они-то и являются главными организаторами артелей.

П. И. Сундуков.

Ярославской губ. Рыбинск. у., Октябрьской вол., дер. Зиновьево.

От редакции.

„Немного побольше“ за организаторские хлопоты и услуги,—это все понятно, **если руководитель артели сам работает наравне с другими**. Но имеет ли артель возможность контролировать, **какая плата поступает от заказчиков и вся-ли она** сдается „подрядчиком“ в артель? И кто назначает размеры дополнительного вознаграждения организатору? Наконец, существует ли писменный договор, по которому действует артель?

Все это очень важно знать, чтобы вынести суждение о „подрядчике“.

XXVII

Приведу пару примеров, из которых не трудно будет сделать тот или иной вывод.

В нашем селе Корме, Гомельского уезда и губернии, есть мельники—братья Захаренковы. Трое из них имеют паровую мельницу, а другие—по ветряку каждый. Кроме того, Захаренковы обладают не плохими крестьянскими хозяйствами: лошадьми, коровами и прочее.

В том же селе найдете не одну семью, занимающуюся мелкой торговлей. Обычно такая семья имеет одну корову (а молока она дает за пятерых крестьянских!) и, в лучшем случае, избу, а чаще живет в наемной.

На первый взгляд каждому читателю покажется, что братья Захаренковы—именно „буржуи“, кулаки, а мелких торгашей, в сравнении с ними, по внешним признакам легко можно отнести, если уж не к беднейшему населению, то к середнякам.

Между тем, далеко не так, если разобраться на деле.

У Захаренковых всего и добра, что одни долги, в которые они залезли по уши. Если бы им в-раз необходимо было рассчитаться с должниками, Захаренковы остались бы нищими. И работают они только за проценты. Вертятся, как белка в колесе. По ночам не спят, не доедят, не допьют,—обедают на ходу, „из рукава“, как говорят сельчане.

Середняк своей жизни на их жизнь не променяет.

Бедняк, последний у нас бедняк Скубей, глядя на их жизнь, не раз сказал:

— Воежики (прозвище мельников) собачью жизнь ведут, во сто раз хуже нашего брата.

— Нашему брату и в добре нет добра, — добавляют другие.

— Трудяги воежики, нам же от них польза, никому.

Присмотримся же, как живут не имеющие ни лошадей, ни хозяйства, по внешнему виду—горе-торгаши сельские, можно сказать.

А вот как. Обед у них без мяса не обходится, в жирах нет недостатка: коровьего масла вдоволь, чаек—обычное явление у них в самые даже тяжелые голодные годы, и ни в чем они себе не отказывают.

— Бога видят эти люди,—говорит, с завистью посматривая на них, обыватель,—а тут, что в аду кипишь и проку не видишь.

— Миром кормиться легче,—разбираются другие.

Очевидно, одним количеством скота или другого крестьянского имущества не определяется принадлежность к „буржуям“ по смыслу этого ходячего слова, придаваемому в наше время.

Внешние признаки, бегло схваченные нами, далеко недостаточны.

Основным признаком принадлежности к „буржуям“ и кулакам можно считать наличие эксплоатации чужого труда, жизни на чужой счет.

Буржуй не вырастет на трудовой почве. Он зарождается от чужого пота и крови и ими питается.

Недаром народная мудрость говорит: „От трудов праведных не наживешь палат каменных“.

Т. Я. Миронос.

С. Корма, Добрушской волости, Гомельского уезда и губернии п. о. Огородня-Гомельская.

От Редакции.

У Захаренковых, кроме мельниц, **неплохие** крестьянские хозяйства,—пишет т. Миронос.—Что же их толкнуло на мельничное дело, что заставляет их так любовно с ним возиться („обедают из рукава“), как не жажда наживы? Долги? Неудачный оборот дела? А если бы удачный, тогда что бы вы сказали, тов. Миронос? А попробуйте-ка предложить Захаренковым отказаться от мельниц за „справедливый выкуп“ в пользу общества (особенно от паровой мельницы)! Если они на это и пойдут, то только потому, что дела обернулись уж очень круто. В противном случае они заломили бы такие условия, которые сразу вскрыли бы— что значит мельница, и т. Миронос повнимательнее отнесся бы к этому „внешнему признаку“.

Разумеется, кулак есть прежде всего тот, кто эксплоатирует постоянно чужой труд и наживается на чужой спине (хотя бы он и сам работал до седьмого пота). Это вы верно пишете, тов. Миронос. Ну, а уверены ли вы, что Захаренковы отказались бы от наемного труда, если бы дела шли хорошо и требовалась бы лишняя рабочая сила?

— „Нам же от них польза, никому“,—говорят про Захаренковых в селе. Очень может быть, что мельницы хорошие, поставлены как следует, и Захаренковым надо поставить в заслугу, что они хорошие мастера. Но благодетелями мы их не назовем, в общественном признании мы им откажем. Другое дело, если бы они своими знаниями, опы-

том, рвением служили кооперации! А сейчас они служат **себе**, и служат, как ищущие наживы, и это тем более должно быть ясно, тов. Миронос, что у них **не плохие** крестьянские хозяйства!

XXVIII.

В № 1731 „Бедноты" было напечатано письмо тов. Смердова из Вятской губ., который, с одной стороны, совершенно справедливо возмущается на привившееся за последнее время среди крестьянского населения слово „буржуй", „кулак" и проч.,—весьма нелестные для многих крестьян отзывы,—с другой стороны, автор письма, я думаю, или сильно преувеличивает наблюдающееся в той местности столь вредное явление, или подводит под одну мерку с другими действительных деревенских кулаков-эксплоататоров.

Конечно, быть-может, Вятская губерния имеет большую разницу в производительности сельского хозяйства против нашей Ярославской губернии. Но меня все-таки удивляет вопрос тов. Смердова, который спрашивает:

— Можно ли назвать буржуем крестьянина, который имеет 2—4 коровы, 2—3 лошади и приличный дом? Тоже самое—арендатора мельницы, ведущего свое дело честно, по-советским законам, и, наконец, мелкого торговца, торгующего ради прокормления себя и своей семьи?

Если взять пример с нашей Ярославской губернии, то, действительно, крестьянин, имеющий до 4-х коров и до 3-х лошадей и, кроме того, отделяющийся от других и бьющий в глаза дом—такой крестьянин имеет полное основание назваться или кулаком или буржуем.

— Почему это так?—спросят многие читатели.

Прежде всего, в нашей местности приобрести такое огромное количество скота, выстроить хороший дом, и в сравнительно небольшой период времени, честным трудом никто не в состоянии.

Наш крестьянин-трудовик, передового направления, работающий не покладая рук, едва-едва может завести 2 коровы и 2 лошади. Обычный крестьянин середняк имеет 1—2 коровы и 1 лошадь. Имеющих же такое количество скота, какое указывает тов. Смердов, у нас тоже зовут буржуями.

И это вполне заслуженно и справедливо, **ибо в нашей местности** (я полагаю, и везде так) **без применения наемного труда, без выжимания пота из работников и без противозаконных теперь объегориваний и опутываний беднейшего крестьянства, достигнуть такого благосостояния невозможно**.

У нас есть тоже такие „трудовики“, о которых говорит тов. Смердов. Имеют 2—3 лошади, 3—4 коровы. За период революционных годов сумели путем дружбы с лесниками приобрести лесу, настроили громадных домов, новых конюшен, сараев, амбаров и проч. Но... где-же здесь честный труд?

Во время голодных годов такие „трудовики“ за ничтожное количество **(в общем числе**—громадное) хлеба или других продуктов сумели приобрести городские сани, тарантасы, сбрую „под серебро“, золотые часы, мебель, меховую одежду. У некоторых „трудовиков“ есть даже рояль, пианино (у нас есть такие), роскошные никелированные кровати, ковры и прочее. И все это приобретено далеко не честным путем, путем объегоривания городских жителей, выжимая из них последние соки.

Или такие случаи.

Богатый крестьянин, имеющий 2—3 лошади, отдает одну из них в наймы бедному крестьянину запахать полоску ржи, вывезти в поле навоз, привезти дров и прочее, и прочее.

Расплата за это далеко не честная!

Такой крестьянин обычно попадает в кабалу, нередко на все лето, к такому „трудовику“,—и для каждого здесь ясно, что честности здесь нет, а есть одна лишь жестокая эксплоатация.

Конечно, возможно, что Вятская губерния такая благодатная, что там очень легко быть и таким „трудовиком“, достигнуть и такого благосостояния, о котором говорит автор письма, но в среде нашего крестьянства, нашего все еще почти первобытного ведения хозяйства, работая, как вол, — большего достичь невозможно. Исключение составляют крестьяне, сумевшие в довоенное время приобрести сел.-хоз. машины, имевшие хорошие постройки и весь хозяйственный инвентарь. Но вот тикие-то крестьяне в то время достигли такого благополучия тоже далеко нечестным путем, а пугем все той-же эксплоатации беднеи-

шего крестьянства или путем торговли, скупки земельных наделов, леса и прочее, и прочее.

Я верю в светлое будущее нашего крестьянина, когда у нас и будет проведено повсеместное многополье, улучшится и умножится скот; путем применения сел.-хоз. машин увеличится запашка; в корне уничтожатся кулацкие приемы при найме рабочей силы. **Тогда** крестьянин, имеющий не только 2-3 лошади и четыре коровы, но имеющий в три раза больше, не может быть назван буржуем или кулаком, ибо явление это будет обычное, заурядное, как результат интенсивного ведения хозяйства.

Крестьянин **Н. И. Федюняев.**

Дер. Гаврово, Шаготской вол., Даниловского у., Ярославской губ.

XXIX.

Мне кажется, что только по имущественному положению различить кулаков от честных тружеников не приходится. Годы революции многих сравнили и поставили в одинаковые условия жизни. Кто раньше имел много, за время революции жили почти все одинаково, то-есть ели кортошку, сидели на пайке и тому подобное.

И если теперь при нэпе, прежние торговцы стали поправлять свои делишки и свое хозяйство, то также стали поправлять и выбиваться на свет и такие мужики, у которых раньше почти ничего не было. Если они раньше имели одну коровенку, то теперь у некоторых из таких хозяйств стали на дворе и корова, и лошадка, а то и две избы выстроены.

И ясно, что на одно имущественное положение обращать строгое внимание не приходится.

Кулака или другого какого-либо крестьянского паука надо различать от честного труженика **по его действиям,** по его образу жизни, то-есть **честными ли, законными ли путями он развивает свое хозяйство, какие его отношения к советской власти и к беднякам-крестьянам.** И вообще кто он? Мошенник, обирала, мироед, который втягивает в кабалу крестьян, или же нет? Если кто подходит под это, то ясно, что он — кулак, он — враг советской власти.

Оправдывать его тем, что, мол, он торгует на гроши, ведь, мол, он сам с утра до ночи трудится, ночи не спит, смотреть на это не приходится. Вот факт.

У нас в селе Короваеве три мужичка открыли колониальную торговлю (один из них — бывший московский купец). Лавченка у них плохая, летом проливает дождь, торговля мизерная, и, несмотря на это, они с успехом конкурируют с нашим кооперативом. Каждый из них имеет свое хозяйство которое они обрабатывают своими силами.

И на взгляд кажется, что действительно — можно ли таких людей причислить к категории кулаков, когда они сами трудятся, рабочих не эксплоатируют? Что за беда, дескать, если они на гроши занимаются торговлишкой в жалком помещении-лачужке! Ведь здесь страшного ничего нет; если их сравнить с каким-нибудь средним крестьянином южной губернии, то они будут не богаче, если только не беднее.

Но мы-то, короваевцы, хорошо знаем, кто они такие и что из себя представляют. С одним из них был такой случай.

Когда мы 22 января, в 7 часов вечера, получили известие о смерти тов. Ленина, то на другой день об этом знали все. Газеты еще свежей не получили, и на другой день в чайной читали старые номера газет. Когда читали газеты об XI-м съезде, речь тов. Калинина, о здоровьи Ильича, то один пайщик нашего треста, присутствовавший при чтении, заметил:

— Вот пишут, что тов. Ленин выздоравливает, а он уже помер,— и сам ехидно улыбнулся. Да и вообще уж очень он не любит советскую власть.

Ну, вот теперь скажите, оправдывает ли его то, что он сам с утра до вечера трудится и чужой труд не эксплоатирует, хотя он и занимается мелкой торговлишкой? Ясно, что нет! Он — кулак.

Если он по имущественному положению не кулак, так он в душе кулак, который во сне мечтает и молится богу, чтобы слетела советская власть.

Да об этом, мне кажется, и задумываться нечего. Крестьянин-бедняк очень хорошо знает, кто его враг, кто друг. И если кто-либо из такого же брата-крестьянина поставит

на ноги свое хозяйство, то-есть обзаведется двумя коровами, купит лошадь, поставит два дома, то такого крестьянина никогда не назовут кулаком.

И если когда называют в шутку, что ты, мол, теперь поправился, стал лучше жить, ты, мол, теперь кулак, так на это и тот, кто назвал, и кого назвали,—друг на друга не обижаются.

А если кого назвали буржуем и он обижается на это, то у него наверное рыльце в пушку.

Член РКСМ **И. Лысенков.**

Село Короваевво, Орехово-Зуевского у., Моск. губ.

XXX.

Некоторые говорят, что нельзя назвать кулаком домохозяина, если он свое имущество приобрел честным трудом. Это верно, но не всегда,—и подводить под эту мерку всех нельзя. Есть такие люди, которые занимаются честным трудом, да дерут-то за свой труд бесчестно.

В наших деревнях кузнецы, столяры, маслобойщики и другие за свою работу берут двойные цены; мастеровой деревни пользуется тем, что, кроме него, никто в деревне этой работы не выполнит, и он берет за свою работу столько, сколько ему вздумается. Так, например, чтобы наварить топор, нужно заплатить кузнецу за работу столько же, сколько стоит новый топор в городе.

Такого человека честным гражданином назвать нельзя; это—кулак-трудовик, это—паук, плотно опутавший своими паутинами деревню. Когда крестьянину спешно нужно какую-либо вещь, так он в город за нею не поедет: нет времени, да и деньги у него водятся не всегда, а кузнец в долг поверит до свежего урожая, а то заставит должника отработать: поднять пар, вырубить лесную делянку и другое.

Одним словом, настоящий прежний кулак: и пеню, и проценты начислит, и все это делается под видом добра и сочувствия.

Учитель **Ан. Емельянов.**

Ежево, Глазовского уезда, Вотобласти.

XXXI.

Бывший кулак в настоящее время отчасти беднотой общины почти взят в кулак. Но не совсем беднота может брать, как кулак может вывертываться.

Я приведу маленький пример.

В 1919 году революция дала возможность произвести передел земли в обществе, и тут зажиточный крестьянин, именуемый „кулаком", распростерся на своей полоске, заявляя:

— Меня перешагнете, тогда и делить будете, да и первому смельчаку, пожалуй, загоню вилы в бок, посмевшему на мою землю.

Дальше, после 1918—19 гг., настало время регулярно рассчитанного налога, а не разверстки и реквизиции, когда уже надо было ему согласиться, что от его помощи зависит благополучие страны, и тут он завопил: „грабят и отнимают последние крохи, не оставляют даже, чего и жрать". Еще лучше — общество принимает ряд постановлений, как-то: устройство школы, пожарной или поправить мост; тут же зажиточный заявляет, что все это не во-время, да пока бы и без этого можно обойтись, этим жалея нарушить закром.

Начали проводить землеустройство в деревне, принимается ряд постановлений и приговоров, в которых отпевают трехпольную систему севооборота, переходя к лучшему способу ведения сельского хозяйства и много еще других улучшений и выгод в антипожарном отношении. Но зажиточный хоть и отлично учитывает все перечисленное, но не охота ему проститься с широкими полосами и с дальноземельем и сделать то, чтобы по-неосторожности загоревшаяся изба могла одна сгореть, и это значит, после землеустройства, когда расселится деревня по правилу сельского благоустройства.

Пошел кулак с кошелем, искать справедливости, что, мол, нельзя нарушить его хозяйства, отчуждая от него десяток десятин земли путем землеустройства и проч. Правда, хождение не напрасно: оно затягивает на годы желаемое беднотой землеустройство.

Это говорит за то, что бывший—и теперь, где не прибран к рукам кулак, не сознал себя, кто он в свободной стране, и до тех пор будет у кулака мысль жалеть свое большое,—чтобы не упустить малое, этим равняя себя с другими и тем самым срывая слово кулак раз навсегда. И пока у кулака много и сам он не пойдет в гущу бедноты, прощаясь с прошлым, как сказал писатель Некрасов: „иди к униженным, иди к обиженным, где горе слышится, где тесно дышится", до тех пор будет за ним, как позорное слово, кулак, и от его это зависит. Это закон степени, и он ее может, такую степень, сам же снять,—это позорное название кулак,—своей общностью с массой большинства.

Только тогда слово труженик будет присвоено бывшим кулаком среди массы бедноты в деревне, когда он отдастся большинству в нашем социалистическом строе.

Ф. Х. Косачов.

Дер. Гарилова, Стародубской вол., Гомельской губ.

XXXII.

Не всякую местность в отношении деления крестьянского населения на кулаков и тружеников можно подогнать под один ранжир.

Слишком разнородны условия крестьянского быта, условия материального существования в различных местностях.

У нас, например, в северных уездах Гомельской губернии (бывшей Могилевской), своих „кулаков", как крестьяне называют—„природных" кулаков — не было.

Наделы от помещика в 1863 году получены тощие, болотистые да лесистые. Первое время надо было прилагать неимоверный труд на раскорчевку. Хлеба не было. Затем, когда леса „изничтожились", земля перестала родить без навоза — опять без хлеба. Да так и всю жизнь. Тощие полосы, курные хаты, хлеб с мякиной.

Вся молодежь с 17 — 18-летнего возраста уходила на рудники на всю зиму. Да и пожилые зачастую оставляли семьи и уходили на заработки. Зарабатывали хоть на уплату податей.

Торговлей же ни один крестьянин не занимался. „Не наше это дело, для этого дела шинкарь имеется".

Следовательно, кулаков, настоящих кулаков, в наших деревнях не было. Позже, когда помещики усиленно стали распродавать земли, кулаки появились и у нас. Наш Чериковский уезд и Климовический были „наводнены“ наезжими покупщиками помещичьих земель из соседней Черниговской губернии. Покупатели эти забирали до 50—100 десятин. Образовывались новые деревни. Эти деревни были богаче. Новые переселенцы прибегали к наемному труду и так далее.

Вот только такие кулаки у нас и были. Но к началу революции и эти хозяйства измельчали. И теперь в волости, может быть, найдется 30—50 таких „богачков“. Так что кулаков, в полном смысле этого слова, у нас мало.

Но, конечно, в годы революции, в тяжелые годы голодовок, каждая деревня делилась на два лагеря: на тех, которые имели свой хлеб, и на тех, которые своего хлеба не имели и достать его—купить или заработать—не могли: негде было.

Вот в эти годы всех, кто имел свой хлеб, у нас и стали называть кулаками.

Частичное удовлетворение бедноты помещичьими землями в 1919—1920 годах несколько сгладило отношения между обоими группами крестьянского населения, но тем не менее понятие кулак осталось неверным: раз живешь со своим хлебом, имеешь пару или трех лошадей, 2—3 коров на 6—10 едоков, значит—кулак. И эта кличка,—к слову сказать, позорная кличка,—осталась и остается иногда за теми хлеборобами, которых в современных условиях кулаками звать совсем не следует. Ведь и революция то наша, революция крестьянского быта, сводится к тому, чтобы сделать каждого крестьянина сытым и более или менее обеспеченным.

Правда, есть у нас еще одна категория крестьянского населения, которую считаю кулацкой, это—кустари (бондари, санники, колесники) и владельцы ветряков. Они прирабатывают к тому, что получают от земли, и иногда продают хлеб. Но эта категория „кулаков“ может быть легко сведена со сцены общественной самодеятельностью: кооперацией и взаимопомощью; равно как и первая категория,

(имеющие землю в 20—30 десятин) может быть „обескровлена“ проведением общественного землеустройства.

А кого же считать кулаками?

Кулаком, по моему, можно считать только того, кто в прежних условиях, в условиях царских законов, „вынырнул“, может быть, даже в незаконную лазейку, обростил рыльце, покатался на чужой спине и теперь старается сберечь свое достояние.

Таких кулаков надо свести со сцены, обрезать их. И если он в современных условиях, в условиях **одинаковых с другими, на таком наделе, как и у других,** сможет поставить свое хозяйство на ноги, сможет улучшить его, наживет лишнюю скотину,—мы его кулаком считать уже не должны.

А. Зорский.

Дер. Малюшин, Калининский уезд, Гомельской губ. п. о. Палуж.

XXXIII.

Как отличить кулака от труженика? В летнюю пору все трудятся и у всех одна работа но сельскому хозяйству. Из этого как бы видно, что тут одни труженики, а кулаков нет. Но дело обстоит далеко не так.

Одно хозяйство справляется со всеми работами силами своей симьи, и, окончив летнюю работу, некоторые члены семьи находят какую-нибудь работу и продолжают трудиться, а другие управляются по хозяйству, одним словом, живут своим собственным трудом. Сколько бы скота в таком хозяйстве: пусть 2 лошади, 3—4 коровы и приличный дом,—я определенно считаю такого хозяина тружеником.

Другое хозяйство, хотя и трудится все в целом, но в некоторых случаях пользуется и наемным трудом: то порядит жнею, то подыщет помолотить, заплатить за работу старается, конечно, как можно меньше. Окончив летнюю работу, старший член семьи не сидит сложа руки, но и не идет искать работы. Он занимается скупкой и перепродажей каких-либо продуктов или фуража. Сколько в таких хозяйствах скота; пусть 1 корова, 1 лошадь и ветхий дом, но тут отчасти эксплоатируется труд, а скупка и перепродажа — это есть спекуляция.

Как их считать. Кулаки? А если не кулаки, то кулачки.

Арендатор мельницы или какого другого заведения, как бы он честью ни работал и как бы ни соблюдал советские законы, под категорию труженика не подходит. Тут известная цель наживы за счет другого, — тоже кулак. Торговец бедняк, который ведет торговлю для своего существования и для существования своей семьи. Как его считать? Все торговцы — бедняки, середняки, выше — все обирают нас для своего собственного существования и благополучия. И все они кулаки и буржуи, смотря по зажиточности.

Как считать инвалида, если он ведет торговлю только потому, что он работать не способен? Советская власть дала широкие права таковым организовать товарищество или какую-либо артель и открыть мастерскую, а также и кооператив. Притом же имеются дома инвалидов, выбирайте, что для вас лучше, но торговлей заниматься — явление нежелательное, так как торговля трудом не считается, хотя бы ею и занимался инвалид.

Как считать тех граждан, которые до сих пор смотрят на советскую власть косо и при разговоре всячески стараются доказать неработоспособность ее? Если гражданин неграмотный и не мог разобраться в окружающей обстановке, одним словом, темнота и невежество не позволяют ему отличить черное от белого, такие граждане, по моему мнению, к кулакам не относятся. Но есть и такие, порядочно грамотные и во всем разбираются довольно тонко, но все-таки рабоче-крестьянская власть для них во многом нехороша. Чего для них не хватает? Разве только того, что в старое время деревня равнялась на них, а теперь это время для них прошло. **Им** приходится по другим равняться. Как считать таких граждан? Кулаки, хотя бы они чужой труд и не эксплоатировали. И до тех пор будут кулаками, пока не исправятся.

Крестьянин **В. Цветков.**

Д. Крутцы, Острецовской волости, Середского у. Иваново-Вознесенской губ.

XXXIV.

Я, бывший рабочий завода „Добр. Наб.“, работал до 18 лет в деревне с отцом и 20 лет среди городского пролетариата. И с 1918 г. по настоящее время, то-есть 5 лет, прожил крестьянской жизнью в самой гуще ее.

Отношение большинства (огромного большинства) крестьян к комнезамам,—смотрят так:

— Ну, хорошо, вот, допустим, сейчас председатель комитета незаможных такой-то. Почему он считает себя незаможным? Если бы у него пропала лошадь или там корова, или еще какое бедствие он перенес, ну, тогда было бы другое дело. И если бы мы знали, что он раньше действительно был трудяка, стремился к хозяйству. А то разве ты его не знал! Батька — его и батько был такой, и дид были голодрабци, которые не желали добра ни себе, ни людям, а теперь он во власти, да еще какой!— учит людей. А что от него можно поучиться, скажи, пожалуйста! Или он когда-нибудь хозяином был, или у него было желание быть хозяином, чтобы от него можно было пример взять? А то просто не что, как над нами делают насмешку!..

Говорят еще и так:

— Да какие теперь должны еще быть незаможные, когда теперь земли каждому дали! Хотя бывших крупных помещиков земли и луга крестьянам не дали, она вся отошла под коллегии, но все-таки от кулаков — от них отобрана земля. Отобрали у тех, у кого была яко бы лишняя,—у того полдесятины, у того одну, две, три и так далее. И теперь у всех есть земля, хотя и мало, но землей уравняли. А раз все получили одинаковый паек земли, то какой же он теперь может быть незаможный! Пусть раньше земли у него не было. А теперь—уравняли. А если она у него пустует, то мы—в этом не виноваты. Посмотри, вот вдова Арина. Она осталась вдовой уже с 1914 года, трое детей у нее, а спроси ее: записалась она незаможной? Пустовала когда-нибудь земля у нее? Нет, и вот видим: у нее и лошади нет, а раз она вышла из хозяйственной семьи, то она и стремится этого держаться.

И то, что говорят крестьяне, все это правда. Я прожил 5 лет с 1918 по 1924 г., в самый разгар гражданской войны.

И от раскулачивания деревни я вынес отрицательное убеждение о комнезамах. Дело в том, что когда я приехал 1918 г. весной, то и в нашей деревне,—и где только не приходилось слышать,—в других деревнях были избраны только председатели и их секретари комитета незаможных. Избирались они обыкновенно на общем собрании общества, и только они и были, крестьяне никто не хотел себя считать незаможными. Считали это почему-то стыдным и позорным. Говорят:

— А чего я буду писаться! Разве у меня рук или ног нету? Руки есть, жена, два сына, лошадка, корова, а землицы—дадут. Вот и все, а чего я буду писаться, чтобы люди мне глаза кололи!..

И почти два года никто не писался. Землю помещиков крестьяне засевали, сенокосы помещиков закашивались, но когда кончилась гражданская война, земля крупных помещиков и сенокосы отошли под какие-то крестьянам непонятные коллегии и разные волфонды. И весной, когда каждый свою скотину поднимает на веревках от голода, волфонды спекулируют—за пуд сена требуют полпуда ржи. Крестьяне видят: выхода нет, корма недостает. И только в прошлом году стали записываться незаможными и записалось до 40 человек. И когда спросишь каждого, почему записался, отвечает:

— Ничего не поделаешь, скотину зимовать нечем. Потому, что незаможным отданы сенокосы панские и которые отошли под волфонды,—и их косить будут с третьей части только незаможные.

И вот поэтому только и записываются мужики в комитеты незаможных. Другого выхода для них нет. И часто среди них можно слышать и такое, что „товарищи“ скоро сделают так, что все мы будем незаможники.

И почему-то у них сложилось убеждение, что как якобы советская власть задалась целью ставить всевозможные рогатки, чтобы крестьяне записывались в незаможные.

Они говорят:

— Почему так? Вот скотину пасти разрешили в лесу, собирают деньги: кто записался в незаможные — с того за корову 1 р. зол., а кто нет — с того 2 р. зол. Разве это не насилие? Теперь под чистку леса, говорят, будут давать,

кто записался — тому в первую очередь, а кто нет, тому и совсем нет. Как тут быть? Без дров зимой не будешь, придется нам всем записаться в незаможники.

И с поникшими головами так они отвечают.

— Мы только не можем понять, почему советская власть думает, что только комитеты незаможных являются защитниками советской власти?

Крестьяне говорят:

— Пусть советская власть, согласно своим обещаниям, как говорила, землю крестьянам без выкупа отдаст, земли крупных и мелких помещиков, а также и сенокосы их, чтобы нам можно было держать не по одной лошади, а по две, как это было раньше, а не так, как сейчас, все сенокосы и земли помещиков отошли под коллегии, а нас стравили, и мы водимся за грудки, отбирая то у того, то у другого излишки земли, и в конце-концов получается, что ни тот, ни другой не может от малоземелья вести правильно хозяйство.

И теперь большинство из них говорит, что на следующую зиму корову держать не буду, без коровы обойдусь, а коня одного буду держать. Ничего не поделаешь, нет корма.

Если советская власть отдаст все сенокосы и земли крестьянам, то тогда защитники ее будут не только незаможные председатели на куриных ножках, а все стомиллионное крестьянство, как один человек. Они знали, что я еду в Москву, просили меня написать обо всем.

И в заключение скажу: пока не поздно, пока еще хоть по одной лошади, да есть, нужно удовлетворить крестьян. Иначе, как они говорят, сделаются все незаможниками. Что касается самих председателей комитетов незаможных, скажу определенно: попадают люди на этот пост довольно с темным прошлым, которые доверия даже среди бедных не имеют, а честный крестьянин—даже бедный—на этот пост не идет.

Я желал бы, чтобы поверили то, что я говорю. Не мешало бы какому-нибудь ответственному работнику пропутешествовать по деревням под видом плотника или какого-либо продавца ниток, мыла и прочего, и послушать

то, что крестьяне говорят про свое житье-бытье. И я полагаю, что это была бы прекрасная школа.

В. В. Григорьев (Евсеенко).

Дер. Глыбное, Октябрьского района, Сумского у., Харьк. г.

От редакции.

Помещению письма предшествовал следующий разговор с тов. Григорьевым в редакции:

— Тов. Григорьев, какой же вывод вы делаете из ваших наблюдений? Что комитеты уничтожить следовало бы?

— Нет, я не говорю: уничтожить. Я только хочу, чтобы из моего письма видна была настоящая картина. Может быть, крестьяне во многом ошибаются. И даже наверное ошибаются; несознательности еще очень много. Может быть, я и сам ошибаюсь. Тогда пусть те, которые видят, в чем ошибка, укажут на нее. Но я хочу, чтобы те, кто будет агитировать или писать в газетах о комнезамах,—чтобы они знали настроение, и чтобы крестьяне видели, что **их** мысли переданы в газету, как они просили. Тогда все с уважением выслушают противную сторону. Ведь вот вы говорите: комнезамы не будут хиреть или числиться лишь на бумаге, если будет самодеятельность самих крестьян. А чтобы такая самодеятельность явилась, надо рассеять все сомнения, надо дать ясность. Хочу, чтобы мое письмо послужило этой цели. Авось, откликнутся.

XXXV.

В № 1755 „Бедноты“ была помещена статья под заголовком „Кого считать кулаком и кого тружеником?“ тов. В. Мощенского из Киргизии. В своей статье тов. Мощенский указывает на то, что машинная обработка земли в Киргизии невозможна, так как земля совершенно не пригодна для сплошной обработки. Кроме того, земля очень малосильна, и для обработки целин нужны не две-три лошади, а три-четыре пары быков. Без них хозяйство вести невозможно, а стало быть, в Киргизии нельзя называть кулаком всех тех, кто их имеет. По этому поводу в редакцию поступило следующее письмо:

Очевидно, автор статьи противник объединения бедноты в коллективы, артели, товарищества и так далее. В своих рассуждениях он не прав, и вот почему:

Во-первых, нельзя надеяться только на целинные земли, так как их год за годом становится меньше, да и дают они урожаи 40—50 пудов с десятины в продолжение двух лет, а затем с каждым годом урожайность на этих землях понижается, так как край, о котором пишет автор статьи, засушливый, и влага в целинных земля быстро расходуется.

Пишущему эти строки приходилось применять **культурную обработку (широкорядный посев), и она дала блестящие результаты.** Казенная десятина дала по 65 пудов, тогда как целинная обработка давала 55 пудов. Таким образом видно, что **и в Киргизии культурную обработку необходимо ввести**, а раз это так, то необходимы и машины (тракторы). Купить же их может лишь несколько хозяев **сообща**, а поэтому **имеющий 2—3 пары волов**, действительно, принадлежит к числу **кулаков**, оставляющих бедноту влачить свое тяжелое существование, между тем как государство наше еще недостаточно богато, чтобы оказать каждому бедняку в отдельности необходимую помощь.

Крестьянин **И. Самсоненко**.

Пос. Кайракпинский, Адамовской вол., Денисовского уезда, Кустанайской губ.

XXXVI.

В Иркутской губернии, селе Кустове, я знаю крестьянина Галузу. Галуза этот знаменит на всю губернию, как крестьянин отличный. Семейство Галузы 23 человека. Запахивал, засевал 60—70 десятин одной пшеницы, кроме других культур. И всегда у него урожай. Одним словом, работая одним своим семейством, производил тысячи пудов хлеба — „галузинской пшеницы,“ которая славилась на всю округу, как отличная.

У него в 1920 году отбирали не одну тысячу пудов, и он снова производил.

На вид—не назовешь кулаком, не правда ли? Скажешь; старательный хозяин — и только. Но погодите. Посмотрите еще одну группу.

В этом же селе были граждане из бедняков; мало того, назывались они (без всякого на то права, как увидите) высоким званием „коммунистов.“ И вот эти „коммунисты“ жили за счет этого Галузы. Жили с удобствами, даже гнали самогон для своего удовольствия. Эти граждане, конечно, звали Галузу кулаком (в чем они, впрочем, были правы, читатель сейчас убедится в этом, хотя и сами же граждане эти были хороши!..). А Галуза, ненавидя их, и отожествлял с ними всю советскую власть. Конечно, он делал все, чтобы ее не было.

Теперь все стало прошлое. Вот и посмотрим и поразберемся.

Милых самозванцев-коммунистов, гонящих самогон, партия давно отмела.

Галузы же, большие и малые, стали рассматриваться положительными гражданами, и так далее.

Но вот этот же Галуза в дни общей разрухи, голодовок, знал одно: приумножить свое хозяйство. Всеми способами ругая лентяев и „коммунистов“, он делал все, **как бы ему уклониться от обложения, обмануть, обойти законные требования. Он, пользуясь общими бедствиями, имеет трогательный союз** с шкурным элементом из рабочих Черемхова, с различными Поляковыми, которые тащили Галузе, что можно стащить с завода, отдавали задаром. Милый был союз „коммунистов“ с так тогда называемым деревенским кулаком. Тот же Галуза хотел у меня получить ссуду в 200 пудов пшеницы (я был заведующим Губернским Земуправлением), и я бы дал ему. Мы дорожили его хозяйством, но мне знающий его хорошо сказал, что **Галуза обсеется своей и что он не прочь просто сорвать, пользуясь к нему благоволением.**

Обрисованы два вида граждан, ярко отражающие картину в прошлом. Мы видели, что между ними большая разница, **но был союз по части корыстного использования общественного достояния**, и они же в случае классовой войны будут охотно уничтожать друг друга с различных сторон.

Но **как граждане общественники** один одного стоят. **Оба антиобщественники. Антиобщественников бедняков посократили из партии,** повытряхнули, **а все Галузы**—большие и малые стали как-бы очень хорошими **и тонко повели линию их признания** и устранения оскорбительного названия буржуя-кулака. Но вот одно остается с ними — **душа заядлого собственника.**

Мне много приходится разъежать по губернии как инструктору по сельскому хозяйству, и вот такие собственники-старатели залезают в кооперативы, их цель — как-нибудь использовать кооперацию, ее льготы для своего приумножения хозяйства.

Много последнее время мне пришлось слышать жалоб на развивающееся лентяйство в деревне. Говорили мне это не только богатенькие мужички, а даже и люди другого толка, например, один коммунист — председатель волисполкома, и я уже думал затронуть этот вопрос в газете. Но вот я встретился со старым другом-крестьянином Сергачского уезда, Нижегородской губ., деревни Анучино, Т. Жулиным. Деревня эта в медвежьем углу, и Жулин похож очень на медведя. Лохмат, неуклюж, но как-то он не похож на других головой.

Вот он мне и доказал неверность таких мнений. Он говорит, что это время такое, когда кулачье почувствовало свое время и гнет свою линию, и что уж такова природа двух классов.

Вот его рассуждения и наталкивают на ряд вопросов о словах: кулак, буржуй.

Кто кулак? Очевидно, тот, кто гнет кулацкую линию и, как не лентяй, гнет успешно. Природа этой линии очень тонка. Пример, — как мы с председателем волисполкома были сбиты.

Мы переживаем мирное время. Галузы большие и маленькие стали положительными гражданами, как производители ценностей и как примерные хозяева. Но есть другой сорт граждан старательных, и, может, имущественно богатых и бедных, но не фальшивых, как не берущих чужого труда, общественников, которые используют все хорошее и ценное, что применяется в хозяйстве у Галуз, и не будут общественные дела пользовать узко, в личных целях, и которые видят и ставят свое богатство через кооперативы, обогащаясь все сообща.

Стало быть, смысл в слове кулак, буржуй есть, — и не беда, если оно применяется к антиобщественникам, хотя бы и они были заботливые.

Молодое подрастающее поколение вытравит наши несуразности.

Крестьянин **О. Чернов**.

Нижний-Новгород.
Губсельсоюз

Крестьянин О. И. Чернов.

О. Чернов — сын крестьянина-кустаря, родом из Муромского уезда, села Дьякова, Нижегородской губ.

До 16 лет работал он по кустарям, с 16 лет — в Павловской артели: в этой старейшей артели, по словам Чернова, сложилось все его миропонимание. В 1904 — 1905 г. Чернов принимает участие в революционном движении. В 1906 г. он скрывается от ареста, нелегально живет год, организуя по Нижегородской губ. крестьянские революционные ячейки. За это его ссылают на каторгу на 4 года.

В Сибири Чернов и еще несколько человек из ссыльных организовали сел.-хоз. товарищество. Работали вместе вплоть до февральской революции, а там товарищи Чернова разъехались, он остался хозяйствовать один. Поездка к Ленину в 1921 г. отрывает Чернова от его хозяйства. С трудом добрался он до Москвы, чтобы высказать Ленину свои соображения о замене разверстки налогом у них в Сибири. Этот доклад Ленин предложил Чернову напечатать в „Правде,“ где он и появился.

Съезд советов в Иркутске избирает заочно Чернова в члены губисполкома и ставит его заместителем заведывающего Г. З. У. Общественная работа затянула Чернова, он распродал свое хозяйство и решил вернуться на старые места в Нижегородскую губернию. В Нижнем-Новгороде Губсельсоюз назначает его инструктором по сел.-хоз. кооперации. „И теперь хожу, езжу по тем селам и деревням, где 16 лет работал нелегально,“ — пишет Чернов в одной из своих корреспонденций в „Бедноту.“

не будут обще(ст)венные дела
пользоват узко в личных
целях и которы ведут и
ставят свое богаство через
кооперативы обогащались
все сообща

стало быть смысел в
слове кулак буржуй
есть и не беда если она
применяется к антиобщес
твенникам хотя бы и
они были заботливые

молодое подрастающее
вытравит наши не
сурозности

О Чернов
Ниж губсельсоюз
9/III 24

Приложение.

Сводка крестьянских писем, представленная Совету Народных Комиссаров СССР.

26/I 1922

т. Карпинский!

Не напишете ли
мне кратко (2–3 странич-
ки maximum)
сколько писем от крестьян
в „Бедноту“?
Что важного (особенно
важного) и нового в
этих письмах?
Настроения?
Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца
получать такие письма (следующее
к 15/III 1922)? а) среднее число писем
β) настроения
γ) важнейшие злобы дня

С к. пр. Ленин.

Записка т. Ленина в „Бедноту.“

(Фотографический снимок).

26. I. 1922. т. Карпинский! Не напишете ли мне кратко (2—3 странички maximum): сколько писем от крестьян в „Бедноту“? Что важного (особенно важного) и нового в этих письмах? Настроения? Злобы дня? Нельзя ли **раз в два месяца** получать такие письма (следующее к 15. III, 1922 г.). Среднее число писем. Настроения. Важнейшие злобы дня. С к. пр. Ленин.

Владимир Ильич, всегда со вниманием следивший за крестьянскими письмами, обратился в январе 1922 года в редакцию „Бедноты“ с просьбой представлять ему каждые два месяца сводки крестьянских писем, поступавших в редакцию. Разумеется, просьба исполнялась, и В. И. до самой болезни подробно знакомился с этими сводками.

17 апреля 1924 года СНК СССР предложил редакции „Бедноты“ представлять ему такие же сводки. Первая сводка представлена 5 мая и охватывает письма, помещенные в „Бедноте“ с января по апрель 1924 года. Помещаем здесь полностью эту сводку.

Январь—апрель 1924 г.

Движение писем.

Сколько поступает писем?

В Среднем в день 120—130 писем.

Из них около десяти процентов приходится на разного рода запросы и просьбы.

Очень часто спрашивают, нельзя ли посылать письма без марок.

Откуда поступают письма?

Главным образом из центральной России. Из более далеких мест, наиболее часто поступают письма из Белорусской республики. Реже с Украины.

К центральной России (включая все автономные республики и области) относится процентов 70 всех писем.

От кого поступают письма?

На первом месте — крестьяне (около 60 процентов всех писем), на втором — земработники, третьем — учителя, четвертом — красноармейцы, пятом — уездные работники.

Писем от женщин-крестьянок за указанное время поступило всего шесть.

Довольно часто пишут комсомольцы (процентов 7—8 всех писем).

О чем больше всего пишут?

Ежедневно вся почта располагается по папкам, соответствующим содержанию письма.

Больше всех при рассортировании почты заполняются папки: 1) земельная, 2) налоговая, 3) сельско-хозяйственная, 4) лесная, 5) школьно-просветительная, 6) кооперация, кредит, семссуда, 7) страховая.

Что пишут по земельным делам.

Преимущественно о судебно-земельных спорах. Обычное их содержание — волокита... победили кулаки... неправильно применяют закон... Часто — прямое указание на заинтересованность и кумовство председателя или члена земельной комиссии, или же на взяточничество. Обращаются в „Бедноту" с мольбой пособить, направить, посоветовать.

Деревня совершенно не имеет юридической помощи. За самыми простейшими разъяснениями обращаются в редакцию.

Бюрократизм и формализм некоторых земорганов. Эксплоататорские замашки их по части взимания арендной платы за госфондовские земли. В некоторых случаях аренда имеет характер **голодный** и **кабальный**.

Пишут по этому поводу—„помещичьи порядки!".

Вызывают нарекания и вражду те из совхозов и учреждений, которые сами не обрабатывают свои земли, а сдают в аренду крестьянам.

Острый вопрос в отношениях сахарных заводов с малоземельным крестьянством. Требуют не сдавать землю в аренду кулакам, „Долой посредников!".

Дороговизна землеустроительных работ. Об этом очень часто. Когда же, спрашивают, Наркомзем понизит таксу для бедноты и даст льготы? Дайте дешевый землеустроительный кредит!

Борьба за пределы. Бедняки забиты. Зажиточная часть крестьянства нанимает адвокатов, судится без конца, чтобы сохранить землю. У бедняков надежда на газету.

Весенний сезон,—вопли безлошадников! Особенно из Нижегородской и Владимирской губ. и Татреспублики. Есть голоса: издать таксу!

Неясности в Земельном Кодексе. В особенности о семейно-имущественных разделах двора, о правах земельных обществ, о сложности землеустройства.

И, наконец, повседневно:—взяточничество.

О налогах.

Больше всего пишут о том, чтобы единый налог был действительно „единым", без всяких к нему пристежек. Иначе нечего называть налог „единым". Пишут об этом с большим раздражением

Борьбу центра с самочинными обложениями приветствуют, но требуют, чтобы она велась более решительно, так как на деле эти обложения еще не изжиты.

Жалуются, что стихийные бедствия часто не учитываются при взимании налога. Сообщают также о случаях, когда действительные бедняки, несостоятельность которых подтверждена сельсоветом и комитетом взаимопомощи, подвергаются репрессиям, как злостные неплательщики.

Крестьянство считало бы необходимым землю облагать не только в зависимости от ее количества, но и от качества.

Большинство писем по поводу пересмотра налогового законодательства высказалось против обложения скота, хотя и не отрицает, что скот имеет большее значение в крестьянском хозяйстве.

Считают, что при обложении необходимо принять во внимание и наличие рабочих рук, главным образом, имея в виду льготы тем крестьянским дворам, в которых не хватка рабочих рук.

Редакция все без исключения письма крестьян помещала и давала на них ответы от себя и от Наркомфина.

В тех случаях, когда письма носили характер жалобы на незаконные действия, редакция направляла их в Наркомфин, требовала ответа, помещала всякого рода разъяснения и следила за тем, чтобы Наркомфин передавал запросы на места и разрешал их по существу. Наркомфин охотно шел навстречу редакции.

Особняком стояли жалобы крестьян на требования сдачи налога раньше установленных центром сроков. Это явление, повидимому, массовое, во всей стране. В некоторых местах оно проявлялось резче, в некоторых слабее. По нашим настояниям Наркомфин распорядился, особенно в Тульской губернии, чтобы были прекращены требования досрочной уплаты налога. По имеющимся у нас сведениям, местный губфинотдел дал местам соответствующее распоряжение.

Много было писем от кустарей по поводу обложения их подоходно-поимущественным и промысловым налогом.

Красной нитью через все или огромное большинство писем проходят жалобы на непосильность обложения кустарей промысловым налогом, результатом чего является массовое закрытие кустарных предприятий (главным образом, кузниц) в сельских местностях.

Основные признаки, с которыми органы Наркомфина подходят к определению платежеспособности кустаря (наличие оборудования, участие членов семьи в производстве, соотношение доходности

сельского хозяйства и кустарных промыслов и так далее), слишком неопределенны, не поддаются точному учету и не всегда дают отчетливое представление об экономической мощности кустарей.

Отсюда — **переобложение маломощных кустарей** и возникновение целого ряда всевозможных недоразумений между ними и финансовым аппаратом.

Необходимо установить **более определенные признаки**, наличие которых позволило бы финансовому аппарату безошибочно определять, по какому разряду должен быть обложен тот или иной кустарь, исключив из числа их такие неопределенные признаки, как наличие специального оборудования, закупка сырья и так далее.

Ряд крестьянских писем содержит в себе жалобы на сельских кустарей и ремесленников, которые, ссылаясь на чрезмерные налоги, взвинчивают цены на изделия и за работу.

Некоторые письма поднимают вопрос о необходимости государственного вмешательства в отношения между широкими слоями крестьянства и мелкими промышленниками и нормирования оплаты услуг последних, подобно тому, как нормируются цены на товары.

Значительное число писем содержит в себе запросы по поводу применения тех или иных законов, постановлений и циркуляров Наркомфина, что свидетельствует о том, что деревня очень слабо осведомлена о налоговом законодательстве и с трудом разбирается в тех распоряжениях, которые идут в деревню сверху, ввиду чрезвычайного их обилия. Необходимо усилить информацию через волисполкомы и сельсоветы о текущих изменениях налогового законодательства.

В частности, довольно много пишут о мельницах.

Крестьяне жалуются на большой сбор за размол на частных мельницах. Просят дать справку—можно ли расторгнуть с частным мельником арендный договор, чтобы сельскому обществу или потребительскому обществу самому взять мельницу.

Были некоторые письма (немного), где говорится о необходимости законодательным путем установить таксу за размол на частных мельницах.

Письма по сельскому хозяйству.

Около половины писем приходится на вопросы, связанные с переходом на монополье.

Среди этих вопросов прежде всего и резче всего выделяются жалобы на **недостаток клеверных семян.**

Читатели выражают недоумение: почему центральные снабженческие органы (Госсельсклад, Сельскосоюз, Центросоюз и т. п.) своевременно не запаслись клеверными семенами? Высказываются опасения, что спешная закупка заграничного клевера может нанести большой ущерб многополью неподходящим или недоброкачественным семенным материалом.

Далее в письмах указывается, что русское клеверное семеноводство (Пермский, Орловско-Тульский и Волыно-Подольский районы) могло бы дать значительно больше клеверных семян, если бы снабженческие органы своевременно вошли в соглашение с местными клеверщиками.

Затем, имеются определенные указания на спекулятивную деятельность Уральского банка (в Пермском районе), который, скупив крупную партию клеверных семян, стал играть на повышение, вместо понижения.

Наконец, много внимания уделяется организации специальной **семенной клеверной ссуды**. Читатели в один голос настаивают на двухлетней рассрочке. Имеются указания на желательность погашения ссуды не деньгами, а клеверными семенами.

Второе место в вопросах многополья занимают дороговизна и волокита землестроительных работ связанных с переделом полей.

После многополья самым больным вопросом является переработка сел.-хоз. сырья.

— Куда девать картошку, которая сейчас на базаре не имеет никакой цены и которая гниет без всякой пользы? — Так спрашивают из целого ряда нечерноземных губерний.

— Мы послушались вас, — пишут из Донской области, — развели кукурузу, а сейчас топим ею печи, так как она дешевле каменного угля...

— Почему госорганы не строят заводы по переработке сел.-хоз. сырья и не организуют сбыт его? Ведь в противном случае крестьяне сократят посевы полезных пропашных растений.—Таков смысл поступившего на-днях письма из Тамбовской губ.

Много нареканий на то, что снабженческие органы не следят за агрономической пропагандой. Ярким образчиком этого является жалоба одного крестьянина (из Гомельской губ.), что он и в центральных, и местных складах не мог найти семян **озимой вики**, несмотря на то, что „Беднота“ третий год ведет пропаганду этого

в высшей степени полезного растения. То же самое получается с семенами **люмина, эспарцета** и других новых в крестьянском обиходе культур.

Вообще вопросы сбыта и снабжения в связи с переходом к улучшенным приемам ведения хозяйства играют главную роль в крестьянских письмах.

Встречаются затем жалобы на недостаточную и плохо организованную агрономическую помощь.

Особо надо отметить вопрос „о пьяном хлебе".

В связи с влажным летом 1923 года на полях обширного района (от финской границы на западе до восточных районов Вятской губ. на востоке и от Архангельской губ. до Московской губернии с севера на юг) появился в небывалых размерах „пьяный грибок".

Ни один из специалистов-агрономов и фитопатологов не заметил или, если и заметил, то не сообщил в центральные научно-исследовательские учреждения Наркомзема об этом бедствии.

Зато крестьяне сообщили о нем в „Бедноту". Получены были корреспонденции: из Вятской губ., Вотской области, Карельской республики.

В ответ на эти сообщения редакция „Бедноты" командировала одного из своих сотрудников (молодого ученого-бактериолога, М. С. Дунина) в наиболее пораженные районы. Результаты обследования, по полученным сведениям, будут иметь практическое значение. В настоящее время вопросом о пьяном хлебе заинтересованы крупнейшие фитопатологи Союза.

Лесные дела.

Все письма по лесным делам можно разделить на две группы: первая из них, самая многочисленная, имеет частное значение; в ней крестьяне изливают многочисленные свои жалобы на невозможную волокиту, которая неотлучно сопровождает хлопоты о получении из лесничества нужного крестьянам леса. Особенно большую волокиту приходится претерпевать при исходатайствовании леса на каких-либо льготных основаниях. Особенно яркими в этом отношении являются письма красноармейцев.

Приходя в деревню в краткосрочный отпуск и принужденный нуждой хлопотать о льготном отпуске ему леса, красноармеец не успевает пройти всех инстанций. И уезжает обратно в свою часть ничего не получив.

Затем жалуются крестьяне на поборы лесной администрации, на пристрастие ее кулакам и пренебрежение к беднякам. Особенно много таких жалоб было до предпринятой в последнее время чистки в составе лесной стражи.

Сюда же примыкают жалобы на непосильность платы за лес по таксе и даже со скидкой. В этих случаях выдвигается вопрос о необходимости рассрочки для маломощных крестьян и семей красноармейцев, когда надо строить новую избу.

Жалуются на высокие ставки сборов за пастьбу скота в лесу и за другие побочные пользования. По Лесному Кодексу, ставки сборов за побочные лесные пользования устанавливаются губземуправлениями и губэкономсовещаниями. И поэтому из центра можно только сказать, что такие ставки высоки, и советовать крестьянам ходатайствовать перед своим губэкономсовещанием о снижении сборов.

Затем много жалом поступает на хищническое истребление тех или иных лесных дач, на совершаемые в них самовольные порубки, на уничтожение бывших крестьянских лесов.

Из вопросов общего характера крестьяне поднимали вопросы о приведении лесов в порядок, об улучшении положения лесной стражи, о передаче крестьянам лесов местного значения, об облесенении вырубок и гарей.

Очень живо заинтересовали крестьян (судя по количеству откликов) такие вопросы: 1) когда лес рубить — зимой или летом? 2) Как чистить лесных специалистов?

Пока сравнительно мало пишут о лесах местного значения. Можно было бы ожидать большего. Происходит это по той причине, что на местах эта работе идет очень слабо. Местные земельные органы и сами крестьяне плохо осведомлены о порядке передачи лесов местного значения.

Следует отметить такие часто повторяющиеся жалобы:

Во время национализации лесов, зачислили в лесной фонд кустарники, мелколесье, болота, заросшие луга и прочее. И теперь, несмотря ни на Кодекс, ни на инструкции, лесничества нисколько не спешат возвратить эти ненужные для леса и очень нужные для крестьян земли (для выпаса, сенокоса, мелиорации).

В связи с этим нередко задаются вопросы: можно ли развести клочок леса в десятину или в две на хуторском участке, можно ли развести и распоряжаться им по своему полному усмотрению

7*

отдельному крестьянину? Прямых указаний на это нет ни в одной инструкции.

Все указанные жалобы крестьян находят сочувственный отклик Наркомзема, и возможные мероприятия немедленно проводятся, на основании писем в „Бедноту“, Центральным Управлением Лесами Наркомзема.

Культурно-просветительные вопросы.

Много жалоб учителей на тяжелое материальное положение. Горячо приветствуют обращение ЦК РКП (от 3 марта 1924 г.) к местным партийным организациям о необходимости сближения с учительством и оказания ему всяческой поддержки.

Среди писем с жалобами на темноту и отсталость преобладают письма красноармейцев, побывавших в отпуску и сообщающих с грустью, что никакой культурно-просветительной работы они не увидели.

Число писем, в которых сообщается о росте культурно-просветительной деятельности, заметно возростает. В прошлые годы такие письма почти не поступали.

Из писем, между прочим, видно, как союз молодежи в деревне все более становится деятельной культурной силой. Но на-ряду с этим наблюдается и другое явление — хулиганство в деревне.

С громадным удовлетворением пишут о работе шефов. Много писем с мольбой — разыскать шефа.

Кооперация, кредит, семссуда.

Много пишут о дороговизне сел.-хоз. кредита (не ниже 18 процентов и до 30 процентов) и о волоките с его получением.

Наблюдается неразбериха и параллелизм в работе кредитующих первичную кооперацию учреждений. От этой неразберихи особенно страдает первичная кооперация в деревне.

Поступали жалобы на высокий процент по семссуде, доходивший одно время до 35 процентов. Часто отказывались из-за этого брать семссуду.

О кооперации было много писем с жалобой на дорогие цены, превышающие частный рынок. Последнее время эти письма стали значительно реже поступать. Начали поступать и похвальные отзывы о работе кооперации.

Сами кооператоры жалуются на чрезмерную придирчивость налогового контроля. В то время, как частный торговец укрывает от контроля значительную часть оборотов, кооперация вынуждена платить многократные штрафы и пени за малейшие упущение, сделанное иногда просто по незнанию. Трубуют более благожелательного отношении к кооперативам, в особенности не успевшими, как следует, упрочиться.

Были и письма с разоблачением кулацких предприятий под флагом кооператива.

Наконец, поступали жалобы от низовой кооперации на плохой подбор товаров у высших кооперативных центров. Кроме того, при сношении низовой кооперации непосредственно с центральными государственными и кооперативными органами, низовая кооперация наталкивается на отказ в предоставлении товаров в кредит.

По страховому делу.

Одна часть писем по страховому делу — просьбы о разъяснении тех или иных вопросов: возможна-ли опись имущества за невзнос платежей, нельзя ли уменьшить страховые платежи, можно-ли получить страховку при краже застрахованного имущества и так далее, а так же жалобы на работу страховых агентов, на позднюю выплату страховых сумм.

Другая часть — отклики на страховую анкету.

Никто не отрицает необходимости обязательного страхования. Жалуются лишь на тяжесть платежей. Льготное добровольное страхование почти все авторы приветствуют, но с оговоркой, что для бедноты оно будет непосильно.

Что касается комитетов взаимопомощи, то большей частью пишут о них с явным холодком и возражают против принудительного обложения. О положительных сторонах комитетов очень редко сообщается.

Крестьянская трибуна.

Помещенное в начале года письмо из Вятской губ.: „Кого считать кулаком, кого—тружеником“ вызвало огромный интерес в деревне. Приток писем по этому вопросу не прекращается до сих пор. Напечатанные несколько десятков наиболее типичных

писем (все они печатались без редакционных изменений), выйдут отдельной книжкой к предстоящему партийному съезду. Эти письма ясно говорят об одном: деревня требует точного разграничения понятий „кулак“ и „добросовестный труженник“, с одной стороны и понятий „бедняк-разгильдяй“ и „бедняк по нужде“ — с другой. По вопросу: куда отнести мельников, арендаторов, торговцев и так далее — мнения расходятся, но большинство заявляет, что эти группы представляют „зародыш будущих капиталистов“, что „клопики“ — дай им срок — „вырастут в клопов“.

Есть голоса: причислить к кулачью хотя и не богатых, хотя и не эксплоатирующих, но злостно становящихся поперек всякого общественного начинания и перепевающих песни кулачья о прелести старого строя.

Большой приток писем вызвал также вопрос о предоставлении некоторых административных прав волисполкомам (небольшой штраф, кратковременный арест и тому подобное). Без этого, — пишет большинство, — постановления волисполкомов выполняться не будут, хотя бы они касались полезного общественного дела, одобренного самими крестьянами. Кроме того, хулиганы наглеют, видя перед собой бесправный волисполком. Меньшинство **против** наделения правами, во избежание злоупотреблений ими со стороны волисполкомов, состав которых не всегда на высоте понимания задач советской власти.

Было много писем с критикой проводимого районирования и укрупнения волостей. Из писем можно заключить, что в некоторых случаях районирование производилось слишком поспешно, что в погоне за бездефицитным бюджетом, упустили существенные интересы населения.

Далее, — из писем также видно, что очень редко соблюдается одно из главных условий районирования: широкое ознакомление масс населения с планом районирования, его целями и задачами, с теми причинами, которыми вызывается необходимость районирования. Один только голый лозунг — „удешевление аппарата“ — вызывает обратную реакцию среди населения, так как каждый житель судит о районировании по ближайшим, непосредственно ощущаемым результатам, которые сказываются... в огромном отдалении волостного центра, в увеличении штатов сельсоветов и тому подобное.

Все письма о районировании, помещенные в газете, передавались одновременно в Наркомвнудел, который давал через газету справки и делал на основании писем соответствующие запросы местным органам.

Общий тон писем.

В громадном большинстве случаев письма деловые. Некоторые жалобы пишутся в очень резком тоне, но с сознательным подходом к вопросу. Говорится: „такому безобразию, по-моему, не место в Советской республике", или „такие господа только порочат коммунистическое знамя и дают оружие в руки врагам советской власти"...

Даже тогда, когда рисуется очень мрачно положение в деревне, за словами письма чувствуется боль человека и полное его доверие к газете, которая поймет „мою исстрадавшуюся душу и не сочтет во мне врага".

Очень часто в письмах сквозит такая нота: не надо обещать того, чего не можешь дать. А то приедет какой-нибудь представитель из уезда или губернии, насулит с три короба, потом кулачье измывается над советской властью и ее обещаниями. Лучше горькая правда, но правда ясная и толково разъясненная.

Письма ругательные („рабочие обжираются", „один чиновник съедает столько, сколько не имеет целая деревня", и тому подобное) бывают, но они стали крайне редким явлением. Правда, в деревне такие разговоры слышатся сплошь да рядом, и корреспонденты в своих письмах отмечают это. Но теже корреспонденты отмечают рост числа сознательных крестьян-передовиков, которые постепенно начинают завоевывать влияние в деревне.

Процентов десять всех писем приходится на постоянных корреспондентов. Это не „крекоры" в обычном смысле, которых выделяют учреждения, и не профессионалы из местных газет, которые частенько рисуют деревню из окна городской квартиры или по случайным протоколам и отчетам учреждений. В громадном большинстве это — крестьяне, ведущие сельское хозяйство и постоянно проживающие в деревне. Пишут по тем вопросам, которыми сами болеют и в которых сами непосредственно задеты.

Получив письмо от такого крестьянина, редакция старается узнать его поближе, установить с ним связь, но ставит себе за правило: дальнейшие его писания являются делом его добровольной инициативы *).

От имени коллектива „Бедноты“ **М. Грандов.**

*) Очень небольшая часть корреспондентов приходится на учителей, волостных работников, агрономов и слушателей местных сел.-хоз. учебных заведений.

Цена 45 коп.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженскаго пер.).
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА—Ленинград, Проспект 25 Октября (быв. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва. пл. Свердлова, 2-й дом Советов—„Серп и Молот.“
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (быв. Невский), 66.